

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
<http://socialist.memo.ru/books/lit/morozov2/pril.zip>

№ П-125

*Письмо В. Войтинского секретарю Заграничной
Делегации ПСР Б.Н. Рабиновичу о ходе работы
над книгой о процессе «Двенадцать смертников»*

22 августа 1922 г.

Дорогой Борис Николаевич!

Получил Ваше письмо. Передайте Вас.Вас.¹³⁰, что на нем лежит, между прочим, и освещение всей истории с выкраденными документами.

Я выбросил совершенно главу 3–6-ю («Как партия социалистов-революционеров боролась с большевиками»), а главу 4-ую слил со 2-ой, пополнив их матерьялами из Вашего меморандума.

Новый план моего памфлета таков:

Осужденные.

Преследования социалистов в Советской России.

Провокаторы на службе у Советской власти.

Накануне московского процесса.

Инсценировка народного гнева.

Комедия суда.

Приговор.

О позиции партии при этом плане мне придется говорить исключительно в главе 6-ой, и при том все время словами самих обвиняемых.

Глава 6-ая строится по такому плану: 5. Сперва описание хода процесса, затем рассмотрение дела по существу, в заключение – об обвиняемых.

Таким образом, темы моя и Вас. Вас. отчетливо разграничиваются.

Если будете еще говорить с Вас. Вас., передайте ему мое мнение о его части задачи. Мне кажется, что было бы хорошо, еслибы он мог привести текст постановлений партийных центров с точными датами и, вообще, выдержать статью в стиле документальной справки, своего рода делового досье. Это очень трудно, гораздо труднее, чем лирические излияния против большевистской сволочи. Но это, по-моему, именно то, что нужно в предполагаемом издании¹³¹.

Не можете ли прислать мне [№] 14–15 «Рев. России»? Помещенное в этом № письмо московских товарищей¹³², как мне кажется, должно войти в мою работу, а не в работу Вас.Вас.

Хорошо бы воспроизвести в брошюре прилагаемый автограф Вандервельда. Его можно было бы вклеить в главу 6-ую.

С искр[енним] Приветом
жму руку

Вл. Войтинский

22 авг. 1922 г.

— ГАРФ. Ф. 6772. Оп. 1. Д. 12. Л. 78–79. Подлинник.

[источник: Суд над социалистами — революционерами (июнь — август 1922г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. М.: РОССПЭН, 2002 — сост.: С.А.Красильников, К.Н.Морозов, И.В.Чубыкин - приложение]

OCR - Nina & Leon Dotan (05.2005)

<http://ldn-knigi.lib.ru> (ldn-knigi.narod.ru) (ldn-knigi@narod.ru)

(наши пояснения и дополнения - шрифт меньше, курсивом)

{X} - Номера страниц соответствуют началу страницы в книге.

В оригинале сноски находятся в конце соответствующей страницы, здесь - сразу за текстом! Даны отдельно: фотографии к книге и выдержки из речей подсудимых и защиты. Дополнение в конце книги: об авторе.

Старая орфография изменена.

ДВѢНАДЦАТЬ СМЕРТНИКОВЪ

СУДЪ НАДЪ
СОЦИАЛИСТАМИ-РЕВОЛЮЦІОНЕРАМИ
ВЪ МОСКВѢ

ИЗДАНИЕ ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ П. С. Р.
БЕРЛИНЪ.
1922 г.

**СУД
НАД СОЦИАЛИСТАМИ-РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ В
МОСКВЕ.**

СОДЕРЖАНИЕ

КАРЛЪ КАУТСКІЙ

**Введеніе.
Московскій судъ и большевизмъ."**

II

ВЛ. ВОЙТИНСКІЙ

**Судъ надъ соціалистами-революціонерами
въ Москвѣ.**

III

ПРИЛОЖЕНІЕ

**Тактическія позиціи партіи соціалистовъ-
революціонеровъ по документамъ.**

СУД

над социалистами-революционерами в Москве.

Этот суд, потрясший совесть всего культурного мира, сплотивший в порывах негодования все течения социалистической и демократической мысли, все фракции рабочего движения, этот беспрецедентный суд завершился чудовищным приговором.

Двенадцать человек, отдавших всю свою молодость, всю жизнь, все силы, все помыслы делу освобождения рабочих и крестьян родной страны, делу российской революции и международного социализма, приговорены к смертной казни судом, претендующим на роль защитника интересов рабоче-крестьянской революции и социализма.

Намыленная веревка наброшена на их шею, но те, в чьих руках их жизнь, еще не затянули петли, еще ждут...

Ждут чего? Того ли, что осужденные, под влиянием психической пытки, которой подвергаются они и их близкие, падут перед ними на колени?

Того ли, что партия осужденных, ради спасения дорогих жизней, откажется от борьбы с советской властью?

Нет! На это большевики не рассчитывают. Они просто сохраняют за собой *выбор момента* для совершения казни.

Идет борьба за жизнь *двенадцати смертников*.

Цель настоящей брошюры — хоть в малой мере способствовать тому, чтобы в результате этой борьбы восторжествовала *правда*.

На следующих страницах читатель найдет краткие сведения об осужденных, о подготовке и ходе процесса, о приговоре и об отклике, который он получил в Европе. Стремясь дать возможно точное изображение относящихся к московскому процессу событий, автор пользовался отчетами большевистских газет, советскими радио сообщениями {18} иностранных защитников, участвовавших в первых заседаниях суда, свидетельствами очевидцев, официальными документами. Автор должен признать, что исчерпывающе полной картины эти источники не дают. Некоторые, особенно неприятные для советской власти, моменты остаются в тени. Но и того, что, вопреки усилиям большевиков, пробилось наружу, достаточно для суждения о московском процессе ...

Автор — социал-демократ, член партии, тактика которой существенно расходится с тактикой партии социалистов-революционеров. И не соображения партийной политики определяют его отношение к московскому процессу, а то представление о *праве*, т. е. *идеалы*, которые должны быть общими у *всех* социалистов всего мира.

1. Осужденные.

Кто они, эти двенадцать, приговоренные московским трибуналом к смертной казни за контрреволюционную деятельность? Вот их имена — дорогие для всей революционной России:

1. **Абрам Гоц** — с 1900 г. участник революционного движения, с 1904 г. — один из активнейших членов грозной для царизма боевой организации партии социалистов-революционеров (При непосредственном участии Гоца организовывались покушения: на министра внутренних дел Дурново, на усмирителей московского восстания 1905 г. генерала Мина и полковника Римана, на министра юстиции Акимова, на московского градоначальника Шувалова, на главу политического сыска при царизме вице-директора департамента полиции Рачковского.).

В прошлом за ним Петропавловская крепость, ожидание смертной казни, военный суд, 8 лет каторги, ссылка в Сибирь, где и застала его революция 1917 года.

2. **Евгений Тимофеев** — участник революционного движения с 1900 года. В 1905 году приговорен царским судом к 5 годам каторги. Перед окончанием срока заключения осужден вторично, еще на 10 лет. Из каторжного централа освобожден революцией.
{19}

3. **Гендельман** — вступил в революционную работу в 1899 г. В 1901 г. за участие в студенческих беспорядках сдан в солдаты. Провел в тюрьмах самодержавия около трех лет.

4. **Донской** — вступил в революционную работу в 1897 г. За студенческие беспорядки был сдан в солдаты. Три раза подвергался ссылке. Просидел шесть лет в царских тюрьмах.
(Idn-knigi; Дмитрий Дмитриевич Д. — врач, будучи в ссылке, в постоянном ожидании ареста, в 1939 году покончил с собой.)

5. **Евгения Ратнер** — в партии социалистов-революционеров с 1903 года. При царизме 8 раз была арестована, просидела в тюрьме свыше шести лет.

6. **Герштейн** — самоучка-рабочий, революционер с 1898 года. В прошлом — 4^{1/2} года тюрьмы и 5 лет ссылки.

7. **Николай Иванов** — революционер с 1906 г. Участник боевой террористической организации социалистов-революционеров. (Участвовал в подготовке и в исполнении террористического акта против начальника Главного Тюремного Управления Максимовского, которого партия социалистов-революционеров приговорила к казни за жестокое обращение с политическими заключенными. Участвовал также в подготовке взрыва Государственного Совета в 1907 году.). 10 лет провел на каторге. Был арестован Колчаком, спасся от расстрела лишь благодаря побегу из тюрьмы.

8. **Лихач** — в партии с. - р. с 1903 года. В прошлом 2 г. тюрьмы и 6 лет ссылки.

9. **Сергей Морозов** — в партии с. - р. с 1905 года. Дважды был присужден к каторге, 7 лет провел в каторжных централах.

10. **Николай Артемьев** — в революционном движении с 1903 года. Отбыл 4 года ссылки, частью в Туруханском крае, частью за полярным кругом.

11. **Елена Иванова** — в партии с. - р. с 1905 года, участница боевой организации. (При ее содействии был убит начальник тюрьмы Гудима и пристав Охтенской части Родзиевский, устроивший пытки рабочих в каземате своей части. Она же организовала убийство начальника Петербургской Одиной Тюрем «Крестов» Иванова и участвовала в исполнении террористического акта над начальником Главного Тюремного Управления Максимовским.) В 1908 году приговорена царскими судьями к смертной казни, которая была заменена бессрочной каторгой. Освобождена с каторги революцией.
{20}

12. **Владимир Агапов** — самый молодой из осужденных, в партии социалистов-революционеров с 1909 года, но уже подвергнулся ссылке при царизме.

Итак, за спиной двенадцати смертников, в общей сложности, около 240 лет революционной работы и борьбы за освобождение России. В общей сложности, при царизме они провели за железной решеткой 70 лет. Пятеро из них носили каторжанские цепи. Двое стояли под виселицей (Гоц и Елена Иванова). Двое отбывали каторгу дважды (Тимофеев и Морозов).

И этих людей большевистская власть пытается представить, как опасных контрреволюционеров, как злейших врагов трудового народа! И готовясь убить их, кремлевские самодержцы пытаются уверить весь мир, что крови этих людей требует спасение революции!

Но приведенные мною бесстрастные цифры — столько то лет революционной работы, столько то лет тюрьмы, столько то лет каторги — холодные цифры не передадут читателю духовный облик двенадцати смертников.

Все они вступили в политическую борьбу в тот период русской революции, когда она не знала ни живущих в царских палатах комиссаров, ни шумихи газетной рекламы, ни блестящих карьер, создающихся лестью, угодливостью, жестокостью, неразборчивостью в средствах, когда звание революционера не вело ни к почету ни к власти, ни к материальным благам, когда долей революционера были лишения, унижения, опасности. И они прошли свой путь, ни разу не изменив себе.

Представители социалистического Интернационала, встретившие этих людей в большевистской тюрьме, сразу почувствовали огонь, горящий в душах этих двенадцати и их товарищей.

Вот, что писал Э. Вандервельде об обвиняемых московского процесса:

«Почти каждый день мы посещаем тюрьму, старое здание темно кровавого цвета, где содержатся социалисты-революционеры.

«Это вообще одно из редких мест, где разговаривают — и, быть может, единственное, где я видел людей, которые говорят свободно, весело, не понижая голоса, не интересуясь тем, подсматривает ли за ними «око Москвы», подслушивает ли их ухо {21} Чичерина. Им угрожает смерть. Перед ними перспектива длинного тюремного заключения, а они смеются, они веселы, как бывают веселы люди, которые идут на борьбу за дорогое им дело.

«Нельзя, конечно, рассказать вам обо всех обвиняемых.

«На фоне общего героизма, как на золоте старинных картин, выделяется несколько особенно ярких фигур.

«Евгения Ратнер — одна из двух женщин этого большого процесса. Как жаль молодости, проведенной в стенах тюрьмы — сначала при царизме, потом при Ленине. Но вместе с тем, какое чудо видеть в таких условиях это упорство, соединенное с жизнерадостной грацией, с этой любовью к жизни, которая сверкает в черных глазах, и глубокой верой в будущее дела, которому отдана жизнь.

«Тимофеев — перед войной был на Сибирской каторге. Там он пользовался таким влиянием среди заключенных и администрации, что все называли его „начальником тюрьмы“.

«Это ему на предстоящем суде поручены объяснения по вопросам внешней политики. Нам, его защитникам, предстоит забота его защищать, его спасать, так как сам он думает только об одном — о нападении, о том, чтобы использовать процесс над ним и его товарищами, чтобы превратить его в процесс против их врагов.

«Если Тимофеев является в группе обвиняемых министром иностранных дел, то Гоц является руководителем общей политики. Я встречал его в Петербурге в 1917 году. Он был товарищем председателя рабочего парламента, всероссийского съезда советов ...

«Это именно Гоц в наших тюремных совещаниях всегда выступает от имени всех своих товарищей. Он родился в зажиточной семье и его жизнь могла быть легка: кроме нескольких месяцев в 1917 году, он провел свою жизнь в изгнании или в тюрьме ...» («Брюссельский Пепль»).

{22} Как о героях, говорили и писали об обвиняемых и другие их защитники.

«Таких людей нет у нас!» с глубоким волнением говорил о них Курт Розенфельд.

К этим отзывам мы хотели бы прибавить здесь лишь несколько слов.

С некоторыми из осужденных автору этих строк пришлось близко встречаться в революционной борьбе, с другими он познакомился в Сибири в Александровском каторжном центре.

Там, среди заключенных, были люди различных партий: меньшевики, эсэры, большевики, анархисты. И не было среди нас ни одного человека, который не относился бы с глубоким уважением и с теплой симпатией к Гоцу и Тимофееву. Оба они были «представителями» политических каторжан во всех сношениях с администрацией, оба считались среди товарищей хранителями лучших революционных

традиций, — бесстрашия перед врагом, стойкости при испытаниях, верности общему делу. Не могут не помнить Гоца и Тимофеева и большевики, сидевшие вместе с нами в тюрьме. Почему же эти бывшие товарищи нынешних смертников не возвысили своего голоса в дни процесса? Почему не крикнули они своим единомышленникам, опьяненным властью и кровью:

— Остановитесь!

Казалось, хоть в ком-нибудь из большевиков должна заговорить совесть. Казалось, должны выступить из рядов правящей партии хоть те, чью жизнь спас тот же Гоц, когда, рискуя собственной головой, он защищал большевиков от разъяренной толпы в дни июльского большевистского выступления 1917 года.

Но нет! Никто из большевиков не нарушил партийной «дисциплины». Не заставил задуматься коммунистическую партию и голос Горького, писавшего одному из членов московского правительства:

«Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством, — это будет убийство с заранее обдуманном намерением, гнусное убожество. Я прошу вас сообщить Л. Д. Троцкому и другим это мое мнение. Надеюсь, оно не удивит вас, ибо за все время революции я тысячекратно {23} указывал советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране.

«Ныне я убежден, что если эсэры будут убиты, — это преступление вызовет со стороны социалистической Европы моральную блокаду России».

Кровавая расправа с политическими противниками слишком привычное дело для большевистской власти, чтоб она могла остановиться перед тем, что Горький заранее заклеил, как «убийство с заранее обдуманном намерением».

Ведь это началось не со вчерашнего дня! Ведь вот уже пять лет льется в России кровь крестьян и рабочих, и — ничего! Все сходило с рук московским самодержцам, и, несмотря ни на что, достаточно оставалось в Европе людей, готовых видеть в них носителей рабоче-крестьянской власти, знаменосцев торжествующей революции. Что же могло помешать большевикам сделать еще один опыт?

Московский процесс — последнее звено в длинной цепи преследования социалистов в советской России. Несколько слов о характере этих преследований облегчат нам понимание того, что представлял собой Верховный Трибунал, судивший социалистов-революционеров.

2. Преследования социалистов в России.

Чуть ли не с первого дня после захвата власти большевиками, начались в России преследования социалистов. Беспорядочные, случайные вначале, эти преследования вылились впоследствии в целую систему мероприятий, вызвали к жизни специальные государственные органы, стали одной из главных забот правительственной власти, одной из главных функций комъючеек.

Это вытекает из самой природы большевизма.

Основная идея большевизма — это диктатура меньшинства над большинством, партии — над рабочим классом и всем народом. Эта идея предопределила жизненный путь большевистской партии: начав с обоснования необходимости своей диктатуры интересами *революционного освобождения* всех трудящихся, {24} партия пришла к тому, к чему приходит, в конце концов, всякая диктатура, — к *деспотизму*, к беспощадному подавлению всех проявлений самостоятельности и активности в народе, к отказу от всех принципов во имя голого сохранения власти.

Так правительство, пришедшее к власти в ходе революции и сохранившее внешние атрибуты революционности, на деле воскресило все деспотические приемы управления царизма, уничтожило все завоевания революции.

Для большевистского правительства нет большей опасности, как пробуждение классовой сознательности и активности в широких массах крестьян и рабочих. Ибо народные массы, сознавшие свои интересы и свою силу, неизбежно пожелают взять власть над страной в свои руки и сбросят со своей шеи своих самодержавных повелителей, — каким бы флагом они ни прикрывались.

Здесь источник ненависти большевиков против социалистических партий, которые являются в России не только защитницами *народовластия, демократизма*, но и носительницами начал *активности, самостоятельности* трудящихся, крестьян и рабочих.

Меньшевики ненавистны московскому правительству, как партия классовой борьбы *пролетариата*; социалисты-революционеры, как партия, оспаривающая у большевиков влияние на *крестьянство*.

Какой враг опаснее? По этому вопросу давно идут споры среди советских охранников.

Одни из чекистов считают, что всего опаснее меньшевики, так как эта партия может, усилившись, двинуть против большевистской диктатуры *рабочие батальоны*; другие полагают, что главная опасность грозит со стороны социалистов - революционеров, так как *крестьянская* масса, подпав под их влияние, поглотит все результаты советского строительства.

Обе тенденции находят компромиссное решение своего теоретического спора, преследуя и меньшевиков, и эсэров, и беспартийных; хватая, запирая в тюрьмы, ссылая, а порой и расстреливая всех тех, чья деятельность грозит усилением активности, пробуждением сознательности, увеличением сплоченности крестьян и рабочих.

{25} Иными словами, советская власть преследует социалистов по тем же мотивам и за те же преступления, что и царизм.

Переменились носители власти, но остался *деспотический* государственный строй, и потому по прежнему полны тюремные камеры «политическими», и по личному составу эти «политические», в большинстве, при большевиках те же, что были при царизме.

Но аресты, тюремное заключение, ссылка — являются не единственными приемами в борьбе советской власти с крамолой; главное место среди этих приемов занимает *расстрел, смертная казнь*.

Большевики утверждают, что смертной казнью они пользуются для защиты рабоче-крестьянской революционной власти от посягательств со стороны контрреволюционеров, врагов трудящихся. Этому утверждение противоречит тот факт, что в России, со времени установления над ней большевистской власти, не прекращаются

массовые расстрелы крестьян и рабочих.

Достаточно напомнить такие события, как расстрел рабочей манифестации в защиту Учредительного Собрания в Петрограде, 5 января 1918 года; астраханскую бойню, во время которой несколько тысяч рабочих было расстреляно, зарублено шашками, потоплено в Волге за то, что они требовали хлеба, — точнее, даже не хлеба, а восстановления свободы хлебной торговли; расстрел из пушек Елисаветполя (Ганджи) в Азербайджане, при чем было убито до 20.000 чел. мусульман, в огромном большинстве крестьян и рабочих; многократные расстрелы забастовщиков почти во всех крупных городах советской России; стрельба по рабочим митингам за вынесение антибольшевистских резолюций; расстрелы крестьян-заложников за неявку рекрутов или за действия повстанческих отрядов; расстрелы крестьян и уничтожение целых деревень за невзнос продовольственного налога...

Часто рабочие и крестьяне, навлекшие на себя неудовольствие советской власти, расстреливаются (или избиваются иным способом) вместе с представителями других групп населения.

Кто подсчитает, сколько пролилось крови крестьян в те кошмарные дни 1918 года, когда по всей России шли казни заложников в вид репрессии за покушение на Ленина в Петрограде?

{26} Или такой случай. В 1921 г. большевики отправили на барже 600 заключенных из различных петрорадских тюрем в Кронштадте; на глубоком месте между Петроградом и Кронштадтом баржа была пущена ко дну: все арестанты потонули, кроме одного, успевшего вплавь достичь финляндского берега. Кто сосчитает, сколько крестьян и рабочих было среди потопленных?

Или другой пример. В конце 1918 года, в разгар гражданской войны, оставляя Сарапуль и затрудняясь эвакуировать местную тюрьму, большевики решили, в видах экономии, очистить ее, путем расстрела всех заключенных; в числе других был убит при этом один из вождей петроградских и уральских рабочих член Ц. К. социалистов-революционеров рабочий Иван Тетеркин. Сколько еще рабочих погибло вместе с ним?

Наряду с массовыми расстрелами идут в советской России и *индивидуальные* казни социалистов.

Так было расстреляно в 1918 году в Астрахани 15 человек социалистов-революционеров, собравшихся на губернскую партийную конференцию (Меморандум, поданный 2-го апреля партией социалистов-революционеров берлинской конференции трех интернационалов, отмечено, что в этом числе погиб старый революционер, член партии с. - р. с ее основания Струмило Петрашкевич, старый работник этой же партии Александр Торба, член Учредительного Собрания из крестьян Горелин, известный местный партийный работник Тимофеев, Ларионов, Ливсин, Курбатов и др.).

Так, в знаменитом Саратовском «овраге», где по особым спискам и безо всяких списков расстреляно за 1918-1919 годы около 1500 человек — убит целый ряд видных членов той же партии. Так, на Кубани в 1920 г. подверглись расстрелу народные вожди в борьбе с Деникиным, крестьяне, влияние которых на население тревожило советскую власть. Так, в том же 1920 г., после взятия Баку советскими войсками, большевики перебили главарей местного рабочего движения, при чем, в числе других, здесь был расстрелян социалист-революционер **Зимин**, тот

самый Зимин, благодаря которому было раскрыто дело об убийстве добровольцами 26 большевистских комиссаров. (Позже большевики объяснили, что Зимины они убили «по ошибке»).

{27} Впрочем, есть ли в России хоть одна губерния, хоть один город, где не было за эти годы расстрелов деятелей социалистического движения?

Среди расстрелянных социалистов можно назвать имена широко известные в России.

Онипко — депутат первой Думы, герой Кронштадтского восстания 1905 года.

Алмазов — крупный культурный деятель, писатель.

Коган-Бернштейн — старый партийный работник, социалист-революционер.

Борис Флекель — казненный по обвинению в том, что был секретарем Керенского, (каковым, кстати сказать, он никогда не был).

Самуил Файнберг — один из крупнейших деятелей партии социалистов-революционеров в Сибири...

О последнем я хочу сказать здесь несколько слов. Товарищ Гоца и Тимофеева по каторжному централу и близкий их друг, Файнберг, без сомнения, был бы их товарищем и по московскому процессу и вместе с ними был бы приговорен к смертной казни, если бы большевики уже раньше не расстреляли его безо всякого суда. Они расстреляли его, как «контрреволюционера», в Иркутске, в том самом Иркутске, который был отбит у Колчаковцев эсэрами после 2-дневного боя, в том самом Иркутске, в который были свезены арестованные большевики чуть ли не со всей Сибири и где около 1000 заключенных, главным образом, большевиков, были эсэрами освобождены из Колчаковской тюрьмы!

А в прошлом, при царизме, у этого человека было ожидание смертной казни, 15 лет каторги, долгие годы заключения в самой ужасной из всех царских тюрем — в Орловском центре ...

Нужно ли приводить здесь имена расстрелянных большевиками рабочих — социал - демократов, нужно ли перечислять «преступления», за которые они были казнены?

Вот — **Туляков** — рабочий, депутат 4-й Государственной Думы, вождь рабочих Донецкого угольного района. Расстрелян по приказу чека в 1918 году.

Вот — **Краковский** — рабочий Сестрорецкого завода. Расстрелян Тамбовской чека, как контрреволюционер.

{28} Вот — меньшевик рабочий **Самушкин**. Расстрелян в Витебске в октябре 1918 г. за расклейку воззвания к рабочим арестованной большевиками местной конференции представителей фабрик и заводов.

Вот — председатель Рыбинского совета профессиональных союзов, меньшевик **Левин**; вот — секретарь того же совета **Ром**; вот — председатель больничной кассы и Рыбинского социал-демократического комитета — **Соколов** — все трое расстреляны в сентябре 1918 г. за руководство однодневной забастовкой протеста с требованием свободы союзов, прекращения террора и изменения продовольственной политики.

Вот — **Миронов** — рабочий меньшевик, депутат 2-ой Государственной Думы. Расстрелян большевиками в 1918 г. в Сибири.

Вот — **Ридник** — секретарь Нижегородского Комитета Р. С -Д. Р. П. Застрелен большевиками якобы при попытке побега...

Еще легче расстреливали большевики анархистов и левых социал-революционеров, которые в октябре 1917 года помогли им захватить власть.

Это — не перечень погибших в советской России социалистов.

Это лишь несколько строчек бесконечного синодика, — но и этих строчек достаточно, чтобы понять психологию большевиков, недоумевающих, почему это социалисты Западной Европы подняли такой шум по поводу их намерения бросить в бездонную братскую могилу еще двенадцать трупов социалистов!

Читатель, который пожелал бы поближе познакомиться с этой стороной деятельности советского правительства, найдет подробности в сборнике «Че-ка», в меморандуме, представленном партией с.-р. берлинской конференции трех интернационалов, на столбцах «Социалистического Вестника», «Революционной России» и других зарубежных социалистических изданий.

Но физическое истребление противников не удовлетворяет большевиков. Они стремятся — употребляя излюбленное их выражение — к *«моральному уничтожению»*, к *«моральному убийству»* тех, кто стоит на их пути. Это достигается *публичным клеветническим шельмованием* обвиняемых и арестованных.

{29} Каждый массовый арест социалистов, каждый их перевод из одной тюрьмы в другую, каждая ссылка, каждое избиение заключенных, каждая казнь, а в особенности каждый суд сопровождаются на столбцах газет потоками ругательств, лжи, клеветы. И никакой возможности защищаться, отвечать, ибо все газеты в Советской России редактируются агентами правящей партии, и в ее руках — абсолютная монополия на печатное слово. Рот противников советской власти зажат раз навсегда.

То-то раздолье Радекам, Стекловым, Бухариным! Лги, клеветы, обливай грязью врагов, — они связаны, они безоружны, они беззащитны, они безгласны, — как безгласна ждущая их могила.

Нигде, никогда обманщик по призванию, лгун по природе, клеветник по профессии не был вооружен так, как при советском строе.

Это — целая система. И подобное «моральное уничтожение» противников имеет в глазах большевиков слишком большое государственное значение, чтобы доверить его исключительно прессе: рука об руку с публицистами Коминтерна работают чекистские следователи, прокуроры и судьи.

Напомню большевистские правительственные сообщения о «заговорах», — пространные сообщения, в которых имена социалистов умышленно переплетались с именами reactionеров. Иные из этих сообщений доходили до европейской печати. На Западе — в тех случаях когда ложь была чересчур очевидна, — объясняли измышления чекистов, как маневр, чтобы оправдать репрессии: аресты, ссылки, казни — это *цель*; сочинение заговоров — *средство*.

Но часто связь оказывается обратная: *цель* большевистской охраны — забрызгать грязью ненавистную партию; с этой целью фабрикуется «дело»; чтобы замаскировать вздорность выдвинутых обвинений, обвиняемые приговариваются к казни; чтобы «дело» не всплыло вновь, осужденных убивают в чекистском подвале.

На судебную трибуну советская власть переносит лишь те дела, которые она признает «выгодными в агитационном смысле», то есть, пригодными для устройства публичного шельмования подсудимых.

И судьи прекрасно понимают, чего ждет, чего требует от них правительство. Было бы поэтому наивно {30} искать в советских судах беспристрастия, независимости, уважения к закону.

По моральному уровню, по правосознанию, советский судья или прокурор ничем не отличается от чекистского палача. И судья и обвинитель, и палач одинаково получают приказ «прикончить такого-то», и выполняют волю начальства. Разница между ними лишь та, что судья и обвинитель работают при свете дня, а палач — в темном подвале.

Все отмеченные здесь элементы были на лицо в московском процессе: двойная задача физического и морального убийства, объединение судебного процесса газетной кампанией, судьи — чекисты, прокурор с психологией палача, глумление над подсудимыми.

Народу, требующему хлеба, власть предлагает зрелище казней. Этому зрелищу придается внешняя форма судебного разбирательства в доказательство того, что установление *«государственной законности»* в стране отнюдь не означает разоружения советской власти в борьбе с крамолой. Это должно успокоить правящую партию, поднять настроение среди ее членов, дать «идейную пищу» пропаганде. Так во всех деспотиях террор имеет свои приливы и отливы, и формы его видоизменяются в зависимости от того, усиливается ли или ослабевает тревога правительства за завтрашний день.

Материал для процесса был доставлен московскому правительству провокаторами Семеновым-Васильевым и Коноплевой. На их роли нужно остановиться.

3. Провокаторы на службе у советской власти.

Семенов и Коноплева, имена которых так часто упоминались за последнее время в печати, — люди абсолютно ничем не замечательные, — разве лишь болезненной жадой сильных ощущений и полной аморальностью.

Семенов (1891 - 1937 расстрелян – ldn-knigi) выплыл на поверхность политической жизни в 1917 г. Он был солдатом инженерного полка в составе XII армии и прошел от полка в армейский комитет. Называл он себя социалистом-революционером и так как в то время — после свержения царского самодержавия и до установления {31} самодержавия большевиков — все партии действовали открыто, не проверяя строго вливавшихся в их ряды новых членов, то и Семенова приняли в социал-революционную партию, не спрашивая его, откуда он взялся и каким путем пришел к революции и социализму. Дальнейшие этапы его деятельности могут быть установлены по его покаянной брошюре, изданной большевиками в Берлине при подготовке суда над социалистами-революционерами, и по показаниям свидетелей, частью прошедших перед судом, частью опубликовавших свои объяснения в зарубежной социалистической печати.

Во время октябрьского переворота, Семенов работал в военной комиссии при Центральном Комитете эсэров. Здесь уже в конце 1917 г. у него не раз выходили столкновения с партией, так как он то и дело требовал от организации активных уличных выступлений, а партия отвергала эти авантюристические планы. (См. берлинскую брошюру Семенова.).

После разгона Учредительного Собрания, Семенов вместе с Коноплевой организовал боевую группу, в которую вошло несколько человек рабочих, из зеленой, неустоявшейся молодежи.

От лица своей группы он предложил партии социалистов-революционеров открыть террористические действия против главарей советского правительства. Центральный Комитет ответил отказом. (Это обстоятельство ясно установлено на суде.)

Но несмотря на это, один из членов организованного Семеновым кружка, рабочий Сергеев, при случайной встрече с Володарским, убил его. Центральный Комитет партии социалистов-революционеров публично дезавуировал этот акт. Семенову было заявлено, что за столь вопиющее нарушение партийной дисциплины, при исключительных обстоятельствах, переживаемых партией, виновный подлежит самой суровой каре. (См. показания Б. Рабиновича в № 918 «Голоса России».) Но к сожалению, партия не избавилась сразу от проникшего в ее организацию опасного авантюриста. Вскоре Семенов представил партии ряд новых проектов авантюристического характера. Каждый раз партия отклоняла его предложения.

Тогда он пускается в боевые {32} предприятия *без санкции* партии и *вопреки* запрещениям ее ответственных центров, при чем обманывает своих товарищей и уверяет их, будто действует по полномочию Ц. К. (Это подтверждено на суде всеми свидетелями. Любопытные подробности имеются в показаниях М. Тисленко, напечатанных в № 923 «Голоса России».)

Так, Семенов устраивает экспроприации чисто уголовного характера, организует и подготавливает новые террористические покушения и т. д. (См. берлинскую брошюру.).

Летом 1918 г., в разгар гражданской войны, Семенова арестовывают. В Чека на Лубянской он стреляет в одного из охранников и пытается бежать. Его ловят. Смертная казнь для него неизбежна. Но он обращается с мольбой о помиловании к Ленину, вступает в сношения с шефом красной жандармерии Дзержинским, — и его выпускают на волю. Он выходит из тюрьмы уже, как член большевистской партии со специальным секретным заданием: работать в организации социалистов-революционеров в качестве осведомителя. И несомненно, уже тогда богатую жатву должен был принести этот человек большевистским палачам, совершенно исключительную низость должен был он обнаружить, чтобы получить для себя и для Коноплевой не только амнистию и свободу, но и почетное место в рядах Российской Коммунистической Партии!

Имеются основания предполагать, что уже *тогда* Семенов предал в руки советской охраны все подробности убийства Володарского и, вообще, весь тот материал, который 3½ года спустя лег в основание московского процесса. Но в то время велись разговоры об отказе социалистов-революционеров от вооруженной борьбы с советской властью, о легализации их партии, об амнистии — момент для использования показаний предателя был неудобный.

Во всяком случае, уже тогда большевики оценили, что Семенов для них ценное приобретение. Напомню, что в Советской России на провокаторов спрос огромный. Уже в начале 1918 года, большевистская партия пришла к заключению, что советская власть *должна* иметь провокаторов в эсэровских и меньшевистских {33} организациях. Несколько позже советское правительство создало такую

провокационную сеть, о какой департамент полиции при царизме — в виду скудости кредитов — не смел и мечтать. Вербовали провокаторов охранники Коминтерна тем же способом, как в прежнее время делали это царские жандармы — посредством угрозы расстрелом. Так, особой анкетой, произведенной в Бутырской тюрьме, установлено, что из прошедших через нее с ноября 1920 г. по февраль 1921 г. 150 слишком человек, 60 чел. получили предложение сделаться тайными агентами Чека и более 50 чел. испытали при этом угрозу расстрелом.

Итак, у Семенова при поступлении его в агенты Чека было много сослуживцев-конкурентов. Но в огромном большинстве, это была мелкота, — людишки, подлые лишь в той мере, в какой подлость является профессиональным свойством каждого провокатора.

Семенов - Васильев (а вместе с ним и его подруга Коноплева) быстро выдвинулся в этой среде.

Вот, что сообщает «Социалистический Вестник» об его дальнейшей карьере:

«Во время русско-польской войны Семенов, вместе с другими русскими, был арестован поляками по обвинению в шпионстве в пользу красной армии. Арестованные вместе с ним были казнены, но Семенов остался цел и невредим и стал агентом Бориса Савинкова...

«Получив от Савинкова деньги и инструкции, Семенов проник в Москву и... немедленно вошел в сношение с Чекой, которой и заявил, что Савинков поручил ему организовать покушение на Ленина. Он выдал Чека имена других агентов Савинкова, а также все планы организации взрывов стратегических железных дорог, арсеналов и проч.

«И вот тогда большевики впервые попытались использовать «чистосердечное сознание» этого провокатора для возбуждения обвинения против эсэров! Чека официально заявила, что один «разоблачитель» (имя которого опубликовано не было) утверждает о сотрудничестве эсэров с агентами Савинкова. В виду этого Чека объявила всех членов Центрального Комитета партии с.- р. заложниками и заявила, что в случае покушения на кого либо из членов Совнаркома — все эти заложники будут немедленно расстреляны.

{34} «Но занесенный над эсэрами удар сорвался. Утверждение о существовании заговора эсэров с Савинковым, другом Врангеля и «сумасшедшего» Бурцева, было настолько чудовищно и неправдоподобно, что даже коммунисты не поверили этому. Сам Дзержинский, глава и руководитель В. Ч. К., лично посетил в Бутырках Гоца и других вождей партии с.- р. и заявил им, что угроза Чеки ни в коем случае не будет приведена в исполнение.

Но то, что большевики не осмелились предпринять в 1920 году, они легко решили проделать 2 года спустя.

В конце февраля 1922 г. в Берлине вышла брошюра Семенова-Васильева, «разоблачающая» военно-террористическую деятельность партии социалистов-революционеров и являющаяся, по-видимому, воспроизведением показаний, данных Семеновым Дзержинскому в конце 1918 или в начале 1919 года. (Г. Семенов «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров в 1917 - 1918 г. г.». Берлин 1922 г. — ldn-knigi).

Автор кается здесь в своей эсэровской работе 1918 года, работы, «направленной против интересов крестьян и рабочих», и попутно выдает все преступления врагов советской власти. (Краткое содержание этой брошюры см. доп. материал — ldn-knigi)

Это — типичное донесение полицейского агента-провокатора: так

и мелькают экспроприации, убийства, покушения, а главным образом, — имена, имена. В общей сложности, в этой тощей брошюрке оговорено не больше, не меньше, как 93 человека!

Если стольких же Семенов выдал через Савинкова в Варшаве, если стольких же он оговорил по возвращении из Польши в Москву, то воистину этот человек достоин занимать одно из первых мест в рядах вдохновителей московского процесса, и прав был Фроссар, когда в своей корреспонденции в „Юманитэ" он характеризовал его, как *физически и морально совершенный тип коммуниста!*

Общий смысл показаний Семенова сводится к тому, что Ц. К. партии социалистов-революционеров *знал* обо всех его, Семенова, боевых подвигах и в *тайне* санкционировал их, хотя *гласно* от них отрекался.

Вандервельде дал в коротких словах юридическую оценку этих показаний:

{35} «Весь оговор Семенова, — заметил он, — основан на том, что он якобы с согласия Ц. К. устраивал покушения, которые затем Центральный Комитет дезавуировал. Однако после этого он снова устраивал покушения, партия снова от них отрекалась, а он, несмотря на такое поведение Центрального Комитета, продолжал готовить новые покушения. Правдоподобно ли это? Совершенно очевидно, что все это было придумано Семеновым впоследствии, совместно с теми, кто его инспирировал.»

Заключение Вандервельде — *«ни один нормальный суд не мог бы принять такого показания.»*

Но лидер бельгийского пролетариата не знает, что в России подобные показания соответствуют старой жандармской традиции: при самодержавии жандармский следователь, решив объявить на суде имя свидетеля-осведомителя, всегда норовил использовать это имя для возможно большого числа дел сразу.

В Екатеринославской тюрьме автор этой брошюры встречал одного полуграмотного железнодорожного сторожа, которому следователь приписывал оговор 102-х анархистов (сам сторож фигурировал сто третьим в том процесс). Выходило, что свидетель знал обо всех совершенных и готовящихся в губернии экспроприациях и покушениях. О каждом акте ему приходилось беседовать с кем-либо из руководителей анархической группы и, таким образом, не оставалось сомнений в том, что за каждое дело должна отвечать группа в целом ...

Так при царизме показания провокатора подвергались предварительной обработке, подгонялись к предстоящему процессу. И могла ли большевистская охранка отказаться от этого доброго обычая, могла ли она воздержаться от предварительной «ретуши» литературной исповеди своего агента? Разумеется, нет. Она *обязана* была указать ему, как группировать, как освещать факты, что опустить, что прибавить, ведь это так легко; два-три слова в случайном разговоре доносчика с членами Ц. К. обвиняемой партии меняют всю перспективу... И вполне естественно, что берлинская брошюра Семенова и его судебные показания — в значительной части плод коллективного чекистского творчества.

{36} Но это делает показания в целом неправдоподобными, лишает их всякой ценности в глазах нормального суда! — скажет товарищ

Вандервельде.

Что делать! Царские жандармы подобными показаниями не брезгали. А новая красная жандармерия, как показал московский процесс, отличается от старой лишь большим невежеством и бесстыдством.

4. Накануне московского процесса.

Когда появилось первое сообщение из Москвы о предании 47 социалистов-революционеров суду Верховного Трибунала за террористические акты, когда начались кровавые завывания большевистской прессы в России и в Европе, для всех стало ясно, что в Москве готовится судебное убийство.

На конференции исполнительных комитетов трех интернационалов в Берлине (в начале апреля) социалисты потребовали от большевиков прекращения террора в России. Само собой разумеется, большевики этого требования не приняли, но так как они добивались в то время создания «единого фронта» с социалистами, а западные социалисты, в силу своей буржуазно-предательской натуры, не соглашались на общий фронт с палачами, то представители Коминтерна, в конце концов, подписали вместе с представителями Второго Интернационала и Венского Объединения общую декларацию, в которой говорилось о предстоящем московском процессе следующее:

«Конференция принимает к сведению заявление представителей Коммунистического Интернационала, что на процессе против 47 социалистов-революционеров будут допущены все защитники, которых пожелают подсудимые; что, как уже было указано в советской прессе до конференции, на этом процессе не будет вынесено смертных приговоров; и что, в виду публичного рассмотрения дела, представители всех трех исполнительных комитетов могут присутствовать в качестве слушателей, которым будет разрешено вести стенографические отчеты заседаний, с целью осведомления примыкающих к этим исполнительным комитетам партий».

{37} Это соглашение, явившееся основой позднейшего участия в процессе представителей социалистических партий Запада, в Кремле было принято неблагосклонно. 11-го апреля в московской «Правде» Ленин, в статье под заголовком «Мы заплатили слишком много», писал:

«По моему мнению, наши делегаты поступили неправильно, когда они согласились на следующие условия:

1) Что советское правительство не вынесет ни одного смертного приговора в процессе 47 социалистов-революционеров; и 2) что представителям трех интернационалов будет позволено присутствовать на процессе. Эти условия представляют собой не что иное, как политическую уступку... Какие же уступки делает нам международная буржуазия? На это один ответ: никакой уступки... Какие же выводы можно сделать отсюда? По моему мнению, Радек, Бухарин и другие представители Коммунистического Интернационала поступили неправильно, когда

они сделали уступки, не обеспечив себе уступок с противоположной стороны. Но отсюда не следует, что мы должны разорвать подписанное ими соглашение. Этот вывод был бы неверен. Отсюда мы должны извлечь лишь тот урок, что на сей раз буржуазные дипломаты оказались искуснее наших дипломатов, и что на будущее время мы должны маневрировать и действовать искуснее.»

Итак, повелитель советской России, намылив голову своим неумелым послам, все же признал подписанную ими и утвержденную Исполнительным Комитетом Коминтерна декларацию *обязательной* для советской власти.

Но уже в мае на столбцах «Роте Фане» (нем., «Красное Знамя»; *ldn-knigi*) началась кампания в доказательство того, что берлинское соглашение ни мало большевиков не связывает: большевики, — писала газета, — были бы *идиотами*, если бы считали необходимым выполнить принятые обязательства относительно допущения защитников...

Впрочем, до поры до времени это оставалось частным мнением «независимой» коммунистической газеты. Московское правительство не сразу решилось объявить свои обязательства «клочком бумаги». Оно не решилось на это даже тогда, когда ему пришлось отказаться от {38} лицемерных попыток установления «единого фронта» с социалистическими партиями Европы. Так, при распадении «девятки» (смешанной комиссии из представителей трех интернационалов) делегат Коминтерна Радек счел необходимым совершенно официально подтвердить, что разрыв переговоров об «едином фронте» ничего не меняет в той части берлинской декларации, которая касается предстоящего суда над социалистами-революционерами.

Считая себя связанными этой декларацией, большевики, после некоторых колебаний и с видимой неохотой, должны были допустить на суд иностранных защитников. Какую роль с самого начала они отводили им в предстоящем процессе, показывает передовая статья московской «Правды» от 11-го мая:

«II-й интернационал прислал извещение, согласно которому он требует пропуска 10-ти социал-предателей, лакеев буржуазии, в качестве защитников эсэровских поджигателей и убийц. В числе этих молодцов находится один бывший буржуазный французский министр, 3 истинно-русских эсэра, которые сами ответственны за измену, подлость и предательство своих коллег по, с позволения сказать, «партии». Такой «полный» список сам по себе есть наглый... Пролетарская Россия отбилась от всех своих врагов, но эта пролетарская Россия вовсе еще не гарантирована от предательских нападений из-за угла... И если второй интернационал со своим привеском посылает таких людей, как своих «излюбленных лиц», то встреча их с нашей стороны будет вполне соответствовать. По Берлинскому соглашению трех интернационалов *мы обязались* пустить свободно избранных защитников для судебного процесса. Мы в точности выполним это *обязательство*. Но вне судебного процесса эти господа должны быть поставлены в такие

условия, которые бы обеспечили нашу страну от их военного шпионажа, от поджигательской тактики этих негодяев, которые с одной стороны убивают рабочих вождей, с другой — трусят признаться в этом, виляют хвостом, поджигают, лгут, обманывают... тех своих придурковатых {39} товарищей, которых они посылают на самые опасные места».

Трудно представить себе что либо более наглое по тону. Но все же, и в этой статье «Правда» стояла на почве обязательности берлинского соглашения. Это давало возможность продолжать переговоры с большевиками об организации защиты на предстоящем суде. В конце концов, Вандервельде, Вотерс, Курт Розенфельд и Теодор Либкнехт (первые два — представители бельгийской рабочей партии, последние два — представители независимой социалистической партии Германии), опираясь на берлинское соглашение, выехали в Россию, — прекрасно зная, что едут навстречу оскорблениям, унижениям, — быть может даже, смертельной личной опасности.

27-го мая представители социалистического пролетариата Запада прибыли в Москву.

8-го июня начался процесс. Точнее; начались одновременно *два* процесса, соответствовавшие *двойной* задаче, которую ставили себе большевики, — «моральное уничтожение» врагов и подготовка физического убийства. С одной стороны, шла газетная и митинговая травля и инсценировка «народного гнева», с другой стороны, переплетаясь с этой травлей, разыгрывалась комедия судоговорения.

5. Инсценировка «народного гнева».

Эта кампания была для большевиков не просто подготовкой смертного приговора: если бы все дело сводилось к тому, чтобы расстрелять еще двенадцать социалистов, это можно было бы сделать без большого шума, хотя бы под видом *попытки к побегу* где-нибудь вдали от Москвы. Но задача заключалась в том, чтобы *заставить* рабочих *требовать* казни обвиняемых, в том, чтобы, путем травли подсудимых и их защитников, поднять дух в коммунистической партии и подогреть настроение среди беспартийных рабочих.

Уже на границе советской России представителей Интернационала, ехавших на процесс, ждала враждебная {40} демонстрация; подобные демонстрации провожали их до самой Москвы. Советская печать с восторгом сообщала о свистках и угрозах по адресу защитников. Воспроизводить здесь эти сообщения было бы длинно. Ограничимся той характеристикой, которую дал этим инсценировкам «народного гнева» Мартов в № 12 «Социалистического Вестника»:

„На станции Себеж, в Великих Луках, в Волоколамске, и, наконец, на Виндавском вокзале в Москве толпы согнанного властями сброда, чекистская сволочь, совместно со всякого рода коммунистическими назначенцами, атаковала поезд защитников под видом «российского пролетариата», требующего от них отчета в контрреволюционном поступке защиты обвиняемых эсэров. В пограничном городке Себеж, все население которого, кроме мещан-евреев, состоит из чекистов и контрабандистов, «работающих» с ними исполу, обнаружился «авангард

мирового пролетариата», досконально знакомый со всеми «грехами» Эмиля Вандервельде и учинивший ему допрос с пристрастием по поводу того, что он подписал Версальский договор. Само собой разумеется, что этот «авангард» твердо знает еще до начала суда, что убийство Володарского и покушение на Ленина организованы именно Ц. К. эсэров и что, поэтому, самое желание выступить их защитником есть соучастие в преступлении. Не менее сведущим оказался и «пролетариат» в Великих Луках, с тем добавлением, что в этом мировом центре ему было поручено довести «моральное воздействие» на 2-й и 2^{1/2} -й Интернационалы до вышибания стекол, угроз рукоприкладством и, если верить корреспонденту «Дейли Геральд», то и до выстрела, сделанного из толпы переряженных в пролетариат чекистов».

В Москве, на Виндавском вокзале для встречи защитников были сделаны более солидные приготовления. Заимствуем описание их из «Правды» № от 27 мая:

«Уже к часу дня к Виндавскому вокзалу стали стекаться организованные группы народа со знаменами, оркестрами и пением. Демонстранты несут плакаты. На огромном полотне нарисован бельгийский король и рядом с ним Вандервельде. Под портретами аршинными буквами {41} надпись: «Господин королевский министр Вандервельде. Когда вы предстанете перед судом революционного трибунала?»

«На другом плакате, посвященном Теодору Либкнехту, вопрос: «Каин, Каин, где брат твой Карл?»

«На других плакатах пестрят лозунги: «Долой защиту тех, чьи руки обгарены рабочей кровью», «Позор Теодору Либкнехту, защитнику убийц своего брата». Надписи на знаменах на разных языках: русском, немецком и французском».

И тут же хор, заранее разучивший песню, сочиненную специально для этого случая каким-то казенным поэтом и наполненную ругательствами против Вандервельде. Я позволю себе привести целиком эту песню, как красноречивый показатель культурного и морального уровня инсценировавших эту встречу кремлевских диктаторов.

«Едет, едет Вандервельде,
Его встретим веселей,
Из лакеев меньшевистских
Всем лакеям он лакей.

«Он едет к нам,
Всемирный хам.
Конечно, рады мы гостям,
Однако, жаль,
Что нам, друзья,
Его повесить здесь нельзя.

«Сам убийца первоклассный,
Сразу понял он, подлец,
Коль засудим мы эсэров,
Что придет ему конец.»

В хаосе криков, свистков, угроз, одному из защитников, Курту Розенфельду, удалось поймать руководителя всей этой сцены, который и сам свистел изо всех сил, заложив пальцы в рот: это был — Бухарин, член Социалистической Академии Наук, один из руководителей Коминтерна, один из первых {42} сановников советского государства (и он же защитник Семенова-Васильева на суде (Впоследствии Бухарин, как передавали европейские защитники, признавался, что он, действительно, «был» у Виндавского вокзала во время демонстрации; но он утверждал при этом, что в кошачьем концерте не участвовал.)).

28-го мая, травле социалистов-революционеров и их защитников была придана новая форма.

По всей Москве в разукрашенных автомобилях разъезжали размалеванные клоуны с балаганами Петрушек и в пошлых куплетах выкладывали московской публике «факты» предательства партии с.- р., «факты» грабежа и убийства ими защитников рабочего класса.

На публичной эстраде Тверского бульвара, недалеко от памятника Пушкина, Петрушка сообщал почтенной публике «самые достоверные факты» о преступлениях эсэров, сваливая в одну кучу эсэров, меньшевиков, кадетов и черносотенцев. Все это подкреплялось демонстрацией убиения преступников здоровеннейшей дубиной. Сначала к Петрушке приводят предателя меньшевика Мартова, который тут же и убивается дубиной. Затем ведут Чернова и начинается остервенелая свалка Чернова с Петрушкой, при чем, конечно, «добродетель» торжествует, и дубина Петрушки раздробляет череп «бандита Чернова». Та же участь постигает Вандервельде и других защитников-иностранцев.

Одновременно шли митинги: большевистские ораторы — с Троцким во главе — объезжали фабрики и заводы, произносили зажигательные речи, проводили резолюции с требованием беспощадной расправы и смертной казни для социалистов-революционеров. От этих ораторов рабочие узнавали, что социалисты-революционеры затеяли в России гражданскую войну, что по их вине в России свирепствует голод, и что все изменится к лучшему, лишь только советская власть расстреляет этих врагов трудящегося народа... Впрочем, нередко эти сообщения имели лишь второстепенное значение: главное было то, что большевистское начальство *приказывало* голосовать за казнь эсэров. И на многих заводах, вместе с кучками фанатизированных и развращенных демагогией коммунистов, покорно подымали руки за предлагаемую им резолюцию и беспартийные рабочие.

{43} Такая покорность покажется, быть может, непонятной рабочим Западной Европы. Но вы, живущее в свободных странах, вы, имеющие партийные и профессиональные организации, места для собраний, газеты, вы, обладающие хоть крупицей человеческих прав, вспомните, что пролетарий в Советской России — бесправное существо, и что большое мужество требуется от него, чтобы, вопреки угрозам, осмелиться голосовать против резолюции, предлагаемой «самим» Троцким, приехавшим на завод с чекистской свитой, в сопровождении красноармейского конвоя!

Но на митингах и резолюциях с требованием смертной казни социалистов большевики не остановились. Были пущены по заводам петиции, рабочих *заставляли* подписываться под состряпанными в

Кремле требованиями крови.

Порою рабочие отказывались ставить свои имена под призывами к убийству.

— Не хотите подписываться? — спрашивали коммунисты строптивых: А вылетать с завода, а в Чека прогуляться — хотите?

И петиции покрывались подписями. И столбцы «Правды» и «Известий» заполнялись кровавыми призывами, скрепленными названиями заводов, именами рабочих, цифрами подписей.

Если бы вы, рабочие Запада, могли прочесть весь этот бред, вы подумали бы, что русские рабочие—это сброд каких то кровавых дикарей. Но нет! Эти петиции — клевета на русский пролетариат, вопиющее злоупотребление его именем, подлая ложь. А правда в том, что во всех деспотиях от имени поработанного народа говорят те, в чьих руках плеть и ружье.

Неудивительно, что большевикам удалось протащить по заводам несколько сот кровавых резолюций. Большого внимания заслуживает тот факт, что, несмотря ни на что, из среды русских рабочих за время этой кампании все же раздавались голоса протеста против совершаемого над их совестью насилия.

Так, рабочий Иванов на площади у Виндавского вокзала, во время манифестации против европейских защитников, громко протестовал, — его тут же арестовали и отвезли в тюрьму.

{44} На митинге Богородско-Глуховской мануфактуры, рабочий Терентьев обратился к товарищам и к большевикам с речью, в которой сказал:

«Товарищи, каковы бы ни были эсэры, едва ли бы сгоняли они нас на собрания, как овец, под угрозой лишения наших семейств необходимых продуктов из государственных лавок и кооперативов, как это сделали с нами; едва ли требовали бы они от нас штемпелевания постановлений правительства, состоящего из членов правящей партии, как это делаете вы, коммунисты. Я — старик, и вы мне не страшны, угроз ваших я не боюсь, а потому откровенно скажу, что в 1917 году, когда в правительстве были эсэры, мы, рабочие, без различия партий, чувствовали себя прежде всего гражданами России, а не рабочим скотом. Тогда нас не заставляли плясать под ту дудку, на которой вы сейчас играете в угоду вашим заправилам, которые вот уже четвертый год ездят на наших спинах.» (Передаю эту речь по сообщению собственного корреспондента «Голоса России».)

На целом ряде заводов («Голос России» отмечает такие протесты на Тульском Гос. Ружейном заводе, на Николаевском Судостроительном заводе и других.) рабочим удалось собраться тайком от большевистского начальства и вынести резолюции протеста против подготовляющегося убийства социалистов. Но не было в России ни одной газеты, в которой они могли бы огласить свой протест!

6-го июня московский Совет обсуждал доклад Радека о предстоящем суде. Раздавались речи о том, что нечего считаться с берлинским соглашением, что нужно, без долгих разговоров, расстрелять обвиняемых.

Высшей точки эта кампания достигла две недели спустя: на 20-ое июня, в годовщину убийства Володарского, большевики назначили в Москве и Петрограде уличные манифестами рабочих и красноармейцев с требованием казни социалистов-революционеров.

Красноармейцы были выведены на демонстрацию по наряду, как на парад. Рабочие и правительственные служащие получили приказ явиться к сборным пунктам по именным спискам. Было официально объявлено, что участники манифестации получают дневной заработок {45} (а в некоторых районах сверх того и горячий обед). Было дано знать рабочим, что назначенная манифестация — проверка их благонадежности, и что строптивых ждут суровые репрессии.

Вот несколько фактов, показывающих, как готовилась в Москве эта манифестация «народного гнева», и как относились к ней рабочие:

1. Фабрика „Богатырь“. Несмотря на запертые ворота, большинству рабочих удалось с собрания уйти (прыгали через забор, разбрелись по корпусам.) Вместо 2500 оказалось 300-400 человек.

«Кровавая резолюция» собрала 35-40 голосов. Остальные просто не голосовали. Директор завода вопрос поставил ясно и определенно: «Неявившимся на демонстрацию — вычет трехдневного заработка». Кроме того, был распространен слух об увольнении. У рабочих забирали контрольные карточки, как это делалось в рабочие дни. Но, несмотря на это, в демонстрации участвовало не больше 400-500 человек.

2. Завод Калинкина (200 рабочих). На собрании вместо резолюции было предложено принять официальное воззвание Р. К. П. по поводу процесса. Аудитория ответила молчанием, и только раздался один робкий голос «проголосовать надо было бы». Но резолюция так и не была проголосована.

По вопросу о демонстрации представители Заводоуправления и Завкома заявили определенно; кто не явится — будет уволен. И все-таки, на демонстрацию пошло незначительное меньшинство.

3. В Центросоюзе за несколько дней до демонстрации было вывешено объявление за подписью заведующего хозяйственной частью следующего содержания: «Явившимся будет предложен обед». Обещание было сдержано.

4. На собрании сотрудников и рабочих «Транспортного отдела» Московского Потреб. Общества из 300 сотрудников присутствовало около 120 человек. За резолюцию, требующую «беспощадной» меры наказания для обвиняемых, голосовали 9 человек, причем 6 голосов принадлежали администрации. Результаты голосования привели в ярость докладчиков и вызвали прямые угрозы увольнением. После этого резолюция голосовалась еще пять раз. Но цифра голосующих за оставалась неизменной — 9 человек. Тогда резолюция {46} снимается и голосуется вопрос об участии в демонстрации 20-го июня. За участие голосует 13 человек.

5. Фармазавод № 2 (120 рабочих). За резолюцию, предложенную председателем, голосовало 5 человек. На собрании раздавались голоса, требующие ораторов других партий ... В демонстрации приняли участие те же пять человек.

6. На Электрической станции бывшей Об-ства 1886 г. За несколько дней до демонстрации комъячейкой был пущен для подписей лист с резолюцией, требующей смертной казни для эсэров. По некоторым

отделам с листом ходили члены Завкома и начальство. Несмотря на приставание к каждому рабочему, собрать много подписей не удалось. В самый день демонстрации был устроен предварительный митинг. Но из 1500 рабочих явилось на собрание 100 человек. В демонстрации приняли участие 200—300 человек.

7. Миусский трамвайный парк. На собрании раздавались многочисленные протесты: «Мы против смертной казни!» Резолюция не голосовалась. На демонстрацию не пошли.

8. Пресненский трамвайный парк. Собрание разошлось, как только рабочие узнали о том, что в повестке дня вопрос о процессе эсэров. На демонстрацию не пошли.

9. Мастерские Савеловской жел. дор. (рабочих 4.000). В свое время рабочие решительно отказались идти «встречать» Вандервельде. На собрание по вопросу об с.-р. пришло очень мало людей. За резолюцию о смертной казни голосовало 19 человек. После голосования резолюцию разносили для подписи по цехам, угрожая всевозможными репрессиями. Так заполучили 60-100 подписей. В демонстрации участвовало всего 60-70 человек.

10. Московское интендантство. В механическом слесарном цехе, благодаря листовкам Р. С.-Д. Р. П., разбросанным среди рабочих накануне демонстрации, единогласно было решено не участвовать в ней. Когда рабочие явились на работу 21 июня, цех оказался запертым, а помощник начальника цеха опрашивал каждого о причинах неявки на демонстрацию. Выслушав объяснения, он заявил, что с каждого неявившегося будет вычтено жалованье за пять суток (17 $\frac{1}{2}$ милл. руб.).

В швейном цех, комъячейка написала знамя за рабочих, никого {47} не спросив о лозунгах (в цехе 700 рабочих). Под знаменем шло несколько десятков человек.

11. Фабрика тонких сукон. На демонстрацию записалось около 40 рабочих (из 400 человек). Шли только коммунисты и кандидаты.

12. Фабрика «Майкапар». Явившись на работу и увидев знамя с требованием смерти с. - рам, рабочие потребовали уничтожения знамени. Комячейка отказалась, но зато вынуждена была участвовать в демонстрации в полном одиночестве.

13. 27-ая типография М. С. Н. Х. На общем собрании по вопросу об эсэрах, резолюция, предложенная от имени комъячейки, не получила ни одного голоса. На следующий день в «Правде» появилась грозная статья, требующая разогнать «меньшевицское гнездо». Сказано, сделано. Назначили нового начальника типографии, небезызвестного Полонского, который, несмотря на перегруженность типографии работой, «отпустил 200 рабочих (всего в типографии 300) «по домам» до осени. После этого, он собрал новое собрание, на котором выступал сам, и так таки провел резолюцию о применении к эсэрам «высшей меры наказания».

И, наконец, вот как изображает «Социалистический Вестник», из которого мы заимствуем приведенные сведения, манифестацию огромного Пресненского района:

«В демонстрации со всего района участвовало не больше 4.000 человек, насильно согнанных разными угрозами. Рабочие шли вперемежку с военными (без оружия). Среди них много женщин и подростков (12-13 лет). Бросалось в глаза отсутствие брянских железнодорожников. Лозунги со страниц «Правды». Настроение самое будничное и унылое. Все стремились скорее отбыть повинность — и домой. Характерен разговор, происшедший между красноармейцами и

группой женщин-демонстранток: «Вы чего, бабье, пришли?» — «А вы зачем?» — «Да мы люди казенные — нас погнали». — «Ну и нас погнали».

Разумеется, были мобилизованы дня участия в манифестации и все силы «комъячеек», все те рабочие, которые до сих пор верят большевикам, и которым правительственные «Известия» и «Правды», путем повторяемой изо дня в день клеветы, сумели внушить исступленную ненависть против социалистов.

{48} Эти элементы составляли в толп незначительное меньшинство, но они то и придавали манифестации желательный для инициаторов этого зрелища характер «народного гнева».

Так был подготовлен этот позор — манифестация, в которой смешались обманутые большевистской демагогией или запуганные угрозами начальства рабочие, развращенные преторианцы советского строя и те люмпены, которые еще недавно составляли главное ядро толпы, громившей евреев под руководством царской полиции, и которые теперь готовы идти туда, куда поведут их советские чекисты.

В 4 часа дня к толпе, наполнявшей Красную площадь, вышли члены ревтрибунала, генерал-прокурор Крыленко, председатель Московского совета Каменев и представители Коминтерна Радек, Клара Цеткин, Садуль и Шмераль. Первым оратором выступил председатель Трибунала Пятаков, заявивший толпе, что хотя он и не может предупреждать событий, но может с уверенностью сказать, что ревтрибунал сурово накажет подсудимых, которые посягали на советскую власть.

Вслед за ним говорил Радек, осыпавший ругательствами иностранных защитников. Затем Бухарин произнес речь в прославление Семенова и Коноплевой, которые дали в руки советской власти материал для суда над социалистами-революционерами.

И вот манифестанты дефилируют мимо суда. Члены Трибунала, вернувшиеся с митинга на свои судейские места, приказывают подвести обвиняемых к открытому окну, под которым бушует толпа, Социалисты стоят под градом угроз, оскорблений, издевательств. Впереди всех те из подсудимых, которые стояли во главе партии и готовы первые встретить смерть. В Гоца летит из толпы доска с надписью «смерть социалистам-революционерам». Судьи гогочут; визжит, захлебываясь от восторга, прокурор; ликуют защитники провокаторов...

Пять часов продолжается эта потеха. Но и этого мало большевикам.

В 10 час. вечера председатель сообщает, что делегация митинга просит Трибунал впустить ее и выслушать.

Прокурор Крыленко дает «разъяснение», что, хотя это по законам не предусмотрено, но по духу советской власти — вполне возможно! И «народ» предстал в «суде», в зале Трибунала бесновалась толпа наэлектризованных демагогами фанатиков, разнузданных чекистов и темных люмпенов. Раздавались дикие угрозы, лилась грязная ругань.

И судьи внимательно выслушивали «ораторов», жали им руки, благодарили за проявленную преданность советской власти, обещали все сделать согласно воле народа!

Два с половиной часа подлинной пытки выдержали социалисты-революционеры. Но, может быть, переживания этих закаленных борцов ничто по сравнению с теми муками, которые перенесли за эти часы их близкие — их жены, матери, сестры, допущенные присутствовать в суде

в качестве зрителей.

Я не могу воспроизвести здесь письма этих мучениц большевистского правосудия, письма, писанные кровью сердца, письма, которых нельзя читать без слез жалости и негодования. Мысленно они уже простились с дорогами для них людьми; они были уверены, что приблизился последний час, что этот ужасный день закончится самосудом, линчеванием подсудимых.

И так же оценивали свое положение сами подсудимые, до конца сохранявшие полное спокойствие, — ласковую, ободряющую улыбку для своих, взгляд, полный мужественного презрения, для палачей.

Но ни подсудимые, ни их родные не знали, что наемная сволочь, изображавшая в трибунале «разгневанный народ», получила от начальства приказ — болтать языком, но рукам воли не давать; кричать, ругаться, но не убивать тех, на кого у большевиков были иные виды... После манифестации 20-го июня кампания народного гнева как будто приутихла.

Почему? Устыдились ли большевики? Испугались ли они впечатления, произведенного на общественное мнение Европы? Или просто иссякла их изобретательность? Или появились у них новые планы? — Не знаю.

Обратимся к тому, как шла в эти дни работа Верховного Трибунала. Проследим прежде всего, в каких *формах* протекал процесс.

6. Комедия суда.

Первоначально большевики предполагали предать суду Верховного Трибунала 47 человек, затем, уже после берлинской конференции трех интернационалов, число обвиняемых было сокращено до 32. В этом числе было 22 человека, действительно принадлежащих к партии социалистов-революционеров, они представляли в процессе «1-ю группу обвиняемых». Рядом с ними на скамье подсудимых сидела еще «2-я группа», состоящая из десяти человек и возглавляемая Семеновым и Коноплевым: это были перебежчики из эсэровского лагеря, по большей части, давно уже вступившие в ряды правящей партии и предательством товарищей заранее купившие себе прощение и милость.

Точно так же делилась и защита; обвиняемых «1-й группы» защищали русские адвокаты Муравьев, Тагер и др. и представители западноевропейского социализма Вандервельде, Либкнехт и Розенфельд; в роли защитников «2-ой группы» выступал десяток коммунистов с Бухариным во главе, и рядом с ними Грациаден, Садуль, Шмераль и Феликс Кон. (*О защитнике Тагере, и его книгу см. у нас на стр.; ldn-knigi*)

Свою позицию в процессе защитники «2-й группы» определили следующим официальным, скрепленным их подписями, заявлением:

«Защитники, как единое целое, не считают себя солидарными в защите». Мы не имеем ничего общего с господами Вандервельде и Розенфельдом. Мы не считаем возможным защищать врагов пролетарской революции, находящихся в лагере русской Вандеи. Однако, среди обвиняемых имеется группа лиц, которые признали, что участвовали в контрреволюционных деяниях и убедились в том, что политика Ц. К. П. С.- Р. была преступной. Эти лица честно перешли в лагерь пролетарской революции.

На этом основании мы считаем своим революционным долгом взять на себя их защиту.»

Обвинение поддерживали: генеральный прокурор Крыленко, член правительства Луначарский, Покровский, Клара Цеткин, Муна, Садуль, Бокани.

В качестве членов Трибунала заседали три большевика. «Публику» или «народ» изображали 1200 человек {51} коммунистов и чекистов, — семьям обвиняемых было предоставлено всего лишь 22 билета.

В руках коммунистической охраны были и стенографирование, и переводы.

Фактически обвинение против 22 социалистов-революционеров велось с четырех сторон:

- 1) со стороны официальной прокуратуры,
- 2) со стороны предателей (т. н. 2-ой группы),
- 3) со стороны защитников этих предателей,
- 4) со стороны членов Трибунала.

И это — в обстановке непрерывной газетной травли, посреди разнузданной, специально подобранной толпы!

Защитникам «1-й группы» не давали говорить, их слова искажались переводчиками, их ходатайства с издевательствами отклонялись Трибуналом.

Речи обвиняемых, как это показывают даже большевистские тенденциозные отчеты о процессе, прерывались на каждом слове и председателем, и прокурором, и рядовыми чекистами из публики.

Трибунал отказался выслушать вызываемых обвиняемыми свидетелей, отказался допустить к участию в процессе четырех приглашенных ими русских защитников-социалистов, отказался от приобщения к делу документов, вскрывавших лживость и вздорность обвинения.

Нужно ли упоминать еще о том, что обвиняемые «1-ой группы» не были своевременно допущены к ознакомлению с обвинительным материалом, что иностранные защитники были лишены права свободного общения со своими русскими товарищами по защите, что стенограммы прений велись до такой степени недобросовестно, что ни обвиняемые, ни защитники не могли узнать в них свои собственные речи ?

Вся комедия суда была лишь подготовкой кровавой развязки.

На первом же заседании председатель трибунала Пятаков заявил, что суд *заранее отказывается от беспристрастного рассмотрения дела и намерен руководствоваться исключительно соображениями об интересах советской власти.*

{52} Это не был суд, как представляют себе суд в Европе. Это была пляска каннибалов вокруг связанных и ждущих смерти пленников.

Когда защита попыталась сослаться на берлинское соглашение, большевики возразили, что это соглашение для них необязательно, что они им не связаны, и что Трибунал может делать все, что пожелает.

После 7 дней отчаянной борьбы за справедливость, за соблюдение берлинского соглашения, за жизнь обвиняемых, иностранные защитники подали в Трибунал следующее заявление :

„Мы констатируем, что во время заседания Трибунала постановления берлинского соглашения трех интернационалов неоднократно нарушались:

«1. Суд отклонил допущение четырех новых защитников и не разрешил, вопреки берлинскому соглашению, вести стенографическую запись.

«2. Суд объявил о своем желании при известных условиях поставить вопрос о том, должны ли иностранные защитники быть допущены в дальнейшем к участию в процессе.

«3. Обвинители Крыленко и Луначарский заявили, что берлинское соглашение не является для суда связывающим.

«4. Представитель делегации 3-го интернационала на берлинской конференции Бухарин заявил, что берлинское соглашение разорвано.

«Мы руководствуемся исключительно интересами защиты и потому, несмотря на изложенные выше факты, находимся в распоряжении обвиняемых, если они того пожелают.»

К этому моменту характер суда выяснился настолько, что дальнейшее участие в нем европейских защитников было явно бесцельно. Они не могли обеспечить соблюдение на суде норм процессуальной справедливости, не могли своим присутствием гарантировать гласность разбирательства, а фактически, благодаря фальсификации переводов и стенограмм и превращению судебных заседаний в сплошной митинг, лишены были даже возможности активного участия в прениях.

С другой стороны, присутствие европейских защитников на процессе создавало иллюзию, будто суд {53} протекает нормально, согласно условиям берлинской декларации трех интернационалов. Защитники чувствовали, что укрепление этой иллюзии приносит делу больше вреда, чем та польза, которую могут принести их выступления перед судом.

Это подсказало им решение отказаться от дальнейшего участия в процессе, — решение, которое было одобрено единодушно и обвиняемыми.

19-го июня Вандервельде, Либкнехт, Розенфельд и Вотерс покинули Москву (*причем им пришлось объявить голодовку, чтобы получить от большевиков разрешение на выезд!*)

Вернувшись в Европу, защитники в обращении к социалистическим партиям всех стран дали отчет об обстоятельствах, заставивших их уйти с суда:

«Берлинское соглашение, — писали они, — имело целью создать для пролетариата уверенность, что московский процесс против социалистов-революционеров будет вестись при соблюдении всех правовых гарантий свободной защиты и на строго объективной почве ...

«Тот способ, которым ведется процесс, не оправдал наших ожиданий, и с самого начала стало ясно, что вопреки обещаниям, данным третьим интернационалом в Берлине, обвиняемые были поставлены не перед судьями, а перед своими политическими противниками, намерением которых было осудить обвиняемых по государственным соображениям. Было уже знаменательно, что председатель суда вскоре после

открытия заседания сделал заявление, что этот суд является классовым судом и будет сознательно проводить классовую юстицию.

«Председатель верховного трибунала Крыленко явился перед подчиненным ему, как председателю, судом в качестве обвинителя, вопреки сделанному им самим только что распоряжению, которое воспрещает, по само собой понятным основаниям, председателю суда выступать на своем же суде в качестве обвинителя. Вместо себя Крыленко назначил председателем подчиненного ему в известном смысле Пятакова, зятя его жены. Последняя, то есть жена Крыленко, вела следствие и подписала обвинительный акт. Пред началом процесса Крыленко лично предлагал на публичных собраниях резолюции, в которых требовалось осуждение обвиняемых.

«Когда мы приехали в Москву, мы были встречены демонстрацией, по-видимому, хорошо подготовленной; демонстранты несли знамена и плакаты с оскорбительными для нас надписями. По нашему адресу раздавались ругательства и угрозы. Требовали бросить нас в тюрьму. Правительство утверждало совершенно ложно, что настроение, сказавшееся против нас на демонстрации, господствует во всем рабочем классе Москвы, и под этим предлогом заставило нас поселиться в двух часах езды от города и приставило к нам нескольких чиновников для наблюдения за всей нашей деятельностью. Поэтому мы чувствовали себя в Москве пленниками, да и были ими.

«Накануне процесса арестовали двух свидетелей и произвели обыск у одного из русских защитников. У этого защитника конфисковали на время часть его защитительного материала.

«Суд, у которого имелось в распоряжении 1200 входных билетов, не дал из них обвиняемым достаточного числа даже для их ближайших родственников. Почти все эти билеты, несмотря на наши возражения, были распределены при помощи политических и профессиональных организаций коммунистов между надежными членами партии и агентами Чеки. Вследствие этого в зале суда происходили порою такие шумные манифестации, что, в конце концов, должен был вмешаться даже председатель.

На 20-ое июня в годовщину смерти Володарского, московская коммунистическая партия организовала большую демонстрацию перед судом с лозунгом: «Строгое наказание для обвиняемых». В самом здании суда, рядом с залом заседаний, была устроена выставка брошюр и картин, которые имели целью наглядно представить мнимые «преступления» социалистов-революционеров. В то время, как те из обвиняемых, которые оспаривали всякое свое участие в террористических актах, содержались в тюрьме, доносчики Семенов и Коноплева, которые признались в том, что они убили Володарского и совершили покушение на Ленина, — были оставлены на свободе. Во время перерывов можно было видеть, как они самым дружеским образом разговаривали с коммунистическими вождями, близкими партийными

товарищами тех, кого они убили и на кого совершали покушение. На самом процессе происходили инциденты, которые вызвали в обвиняемых и в нас окончательное решение оставить защиту... Берлинское соглашение не было соблюдено. Этим была отнята почва у нашей защиты. Наше дальнейшее пребывание могло бы вызвать ложное впечатление, будто обещания, данные в Берлине, были сдержаны.

«Вследствие нарушения берлинского соглашения ставилось под вопрос и важнейшее из его постановлений; на процессе социалистов - революционеров исключается вынесение смертных приговоров. В течение целых недель коммунисты в печати и на собраниях ведут кампанию, чтобы не только добиться осуждения на смерть социалистов-революционеров, но и исполнения смертных приговоров. Суд заявляет, что ему нет никакого дела до берлинского соглашения. Представители 3-го интернационала утверждают, что соглашение порвано, и что все обещания 3-го интернационала потеряли значение. Если бы мы выслушивали такие заявления, не выражая против них немедленно же самого резкого протеста и не обращаясь всеми нашими силами к международной социалистической совести, то мы подвергались бы опасности внезапно очутиться перед совершившимся фактом.

«Но до этого не должно дойти! Ни при каких условиях смертный приговор не приемлем. Жизнь обвиняемых должна быть сохранена!

«Пропась, разделяющая рабочие партии, уже затруднила всякое общее действие против капитализма и реакции. Этой пропасти не должно углублять. Если она будет залита кровью обвиняемых эсэров, то через нее долго нельзя будет переступить.

«Лозунгом рабочих партий всех стран и всех направлений должно быть: «Да не будет вынесено смертного приговора обвиняемым эсэрам!»

{56} Так из проституированного, опозоренного здания московского Трибунала процесс социалистов революционеров был перенесен на суд мирового пролетариата.

Три дня спустя после того, как европейские социалисты покинули Москву, отказались от участия в процессе и русские защитники. Их отказ был вызван всем тем, что разыгрывалось в стенах Трибунала и перед его окнами 20-го июня.

По поводу событий этого дня Муравьев от имени всей защиты первой группы обвиняемых подал Трибуналу следующее заявление:

«20-го июня председательствующим, несмотря на наш протест и отказ государственного обвинителя высказаться по формальным соображениям по поводу допущения оглашения в зале заседания резолюций, принятых на митинге 20-го июня, были допущены демонстранты, нанесшие оскорбления защите и подсудимым и огласившие резолюцию о применении высшей меры наказания к обвиняемым, которая была принята на митинге якобы от имени всех рабочих организаций Москвы и Петрограда.

«Появление демонстрантов в зале суда и объявление ими Трибуналу резолюции митинга нарушило нормальное течение процесса и предрешило приговор суда, лишив его законной силы, и уронило значение высшего судебного органа республики — процессуальным нарушением судебного разбирательства. Указанные данные заставляют защиту просить прервать процесс и возобновить его при новом составе Трибунала и при участии других государственных обвинителей».

Трибунал ответил на это, что «просьба защиты о перерыве процесса и о самораспусчении Трибунала не подлежит рассмотрению, так как Трибунал допустил рабочие депутатии на заседание, вполне сознавая значение своих действий».

Защита настаивала на своем требовании, ссылаясь на законы советской России, в которых предусмотрен вопрос о появлении в заседании суда посторонних лиц.

В самом деле, *наказ кассационным коллегиям Верховного Трибунала о поводах к отмене приговоров* в (см. сборник циркуляров пленума трибунала В. Ц. И. К., изд. управления {57} судебного надзора Верх. Трибунала В. Ц. И. К., 1922 г., Москва) прямо указывает, что, независимо от содержания кассационных жалоб, *приговор подлежит безусловной отмене* «во всех случаях допущения к участию в деле лиц, не предусмотренных процессуальными нормами трибунального производства, то есть, кроме членов суда, обвиняемых, обвинителей и защитников, свидетелей, экспертов по делу, и во всех случаях допущения, в течение судебного разбирательства, не предусмотренных теми же процессуальными нормами моментов, имевших или могших иметь влияние на существо приговора.»

Текст совершенно ясен. Выступление на суде делегаций и обмен речами между ними и членами суда, как справедливо отметил это «Социалистический Вестник», был именно «моментом, не предусмотренным процессуальными нормами», и столь же несомненно этот момент «мог иметь влияние на существо приговора». Стало быть, даже и юридически *приговор Верховного трибунала заранее подлежал безусловной отмене.*

Но закон для большевиков имеет не больше значения, чем подписанные ими *обязательства*: члены Трибунала лишь смеялись над ссылками защитника на закон. Муравьев бросил им с гневом: «Горе той стране, горе тому народу, которые с неуважением относятся к своим законам и смеются над людьми, закон защищающими».

Ответом было возбуждение против защитника судебного преследования за оскорбление советского правительства !

Защитники, после совещания с обвиняемыми, заявили тогда, что не могут дальше участвовать в процессе. Верховный Трибунал ответил на это постановлением, которое 24-го июня было опубликовано в советских газетах. Вот это произведение творчества советских судей :

«Только полной безграмотностью защитника Муравьева и его полным непониманием юридической природы суда можно объяснить ходатайство, направленное к данному составу суда об его самоликвидации. Верховный Трибунал с полным

сознанием того, что {58} он делает, допустил делегацию рабочих в зал заседания и сам присутствовал на демонстрации 20-го июня. Трибунал действовал не случайно, а с полным пониманием смысла и значения своих действий. Трибунал усматривает в заявлении защитников, что под прикрытием юридической аргументации ведется определенная политическая борьба против того приговора, который будет вынесен революционным Трибуналом. Только полной заско-рузлостью буржуазного мышления Трибунал объясняет себе тот аргумент защитника Муравьева, который был направлен на то, что суд может выносить свой приговор лишь в том случае, если он находится под стеклянным колпаком. Судьи живые люди и изолировать их от общественной жизни нельзя. В данном случае, важно не то, что произошло, а как суд реагировал на происшедшее. Трибунал считает, что многое из того, что было заявлено здесь 20-го июня, неправильно, но он заявил: что, может быть, кое-что из заявленного правильно. Трибуналу важно было установить только два факта, которые и были засвидетельствованы делегацией рабочих: 1) что рабочие массы поддерживают советскую власть и 2) что суд действует не изолированно от рабочих масс, а в атмосфере доверия и поддержки этих масс. Поэтому председателем Трибунала было заявлено, что нам ценны те заявления, которые были сделаны демонстрантами.

«Что касается до протеста защиты против оскорблений, нанесенных демонстрантами подсудимым, то Трибунал заявляет, что рабочие не окончили юридического факультета и не знают правил хорошего тона, почему и позволили себе такие выражения, которые не следовало произносить в зале заседания. Исходя из этих соображений, Трибунал считает недопустимым придирается к грубым выражениям, раздавшимся из уст рабочих.

«Относительно пристрастности суда, то Трибунал еще в первый день заявил, что он смеется над лицемерными заявлениями буржуазных стран о том, что суд должен стоять вне классовой борьбы и выносить приговоры какого то неземного беспристрастия. Поэтому опорочить приговор пролетарского классового суда защитнику Муравьеву, может быть, удастся в какой либо другой стране, но не в рабоче-крестьянском государстве. Поэтому Верховный Трибунал оставляет заявление защиты без рассмотрения и предлагает ей, в случай недовольства действиями Трибунала, направить свою жалобу народному комиссариату юстиции и президиуму ВЦИК-а.» (Эти высокие учреждения уже рассмотрели заявления защитников и вынесли свое решение: защитники арестованы и высылаются в Архангельскую губернию.)

Нет надобности останавливаться на оценке этого документа ...

Итак, защита вынуждена была покинуть Трибунал».

С 23-го июня обвиняемые остались одни лицом к лицу со своими палачами.

Гендельман от имени своих товарищей в этот же день сделал

судьям следующее, дышащее гордой смелостью заявление:

— «С первого дня процесса все законные требования наших защитников неизменно отклонялись Трибуналом и всегда сопровождалось ироническими замечаниями. Такое поведение Трибунала заставило покинуть процесс сначала иностранных защитников, которых к тому же буквально травили везде и всюду — даже это высокое учреждение, именуемое Верховным Революционным Трибуналом, не спасало их от оскорблений и насмешек со стороны не только откомандированной на процесс публики, но и со стороны прокуратуры и членов Трибунала. В дальнейшем — вчера и русская защита была вынуждена сложить с себя свои обязанности в виду явного нарушения революционного закона его блюстителями.

«При таком положении едва ли наш процесс может быть назван судом: его члены и его обвинители во время перерывов выступают на митингах, устраиваемых компартией, где делятся своими впечатлениями и заключениями, вынесенными ими за время процесса.

«И если мы до конца остаемся здесь и не требуем отправить нас обратно в тюрьму, то только для того, чтобы доказать инициаторам настоящего процесса, что он нам не страшен.

{60} «Участие членов Трибунала и обвинения на митинге, где была вынесена резолюция о применении к нам высшей меры наказания, то есть смертной казни, заставляет нас предполагать о солидарности наших суде и с теми руководителями и организаторами казенной демонстрации, которые угрозами сгоняли рабочих для одобрения нужной им резолюции. Нам известно, что перед демонстрацией и митингом 20-го июня на фабриках и заводах были произведены среди рабочих массовые аресты ...»

Председатель перебил обвиняемого:

— Трибунал ни отрицать, ни утверждать указанного факта участия его членов на митинге не может, но просит доказательств об арестах рабочих и о сгоне их на демонстрацию.

Гендельман указывает:

— Массовые аресты были произведены на фабриках Прохорова, Носова, Рябова, Раненберга, в ж. - д. мастерских и пр., при чем рабочим было заявлено, что если они не пойдут на демонстрацию, то тем самым признаются, что они за одно с эсэрами, а перед выходом на демонстрацию с каждой фабрики и завода рабочие проверялись по спискам.

Председатель вторично прерывает Гендельмана и требует не оскорблять московских рабочих, пошедших на демонстрацию добровольно. Тогда Гендельман, указывая рукой на листки, имеющиеся у некоторых лиц из публики, заявляет:

— Я всегда воздерживался от голословных утверждений. Прошу Трибунал рассмотреть выпущенное московскими рабочими воззвание, протестующее против оперирования их именем в резолюции, вынесенной 20-го июня.

Председатель спрашивает Гендельмана :

— Больше вы ничего не можете добавить?

Гендельман:

— Мне кажется, ко всему мною сказанному и указанному вообще трудно что либо добавить — и так все ясно.

— (Передаю эту сцену по отчету «Голоса России»).

Да, все было ясно. «Суд» продолжался.

{61}

7. В чем их обвиняли.

Вандервельде в следующих словах резюмировал политическое и юридическое содержание московского процесса:

«Большевики выставили против эсэров четыре обвинения:

1. — эсэры с оружием в руках защищали Временное Правительство.

Эсэры признают этот факт и гордятся этим.

2. — эсэры с оружием в руках защищали Учредительное Собрание.

Эсэры признают это и жалеют, что им этой защиты не удалось довести до конца.

3. — эсэры вели вооруженную борьбу с советской властью.

Эсэры признают, что это несомненно исторический факт. Но все три обвинения теперь падают, так как советская власть издала по этим деяниям акт об амнистии и даже легализовала партию.

4. — эсэры принимали участие в убийстве Володарского и в покушении на Ленина.

Но этому нет ни одного доказательства, ни одного свидетеля, — кроме признаний провокаторов Семенова и Коноплевой, словам которых никто не верит.»

Первые три обвинения относятся к участию партии социалистов - революционеров в гражданской войне за время от конца 1917 года до начала 1919 г.

Эта гражданская война была начата *большевиками*, которые путем заговора захватили в октябре 1917 г. власть, разогнали всенародное Учредительное Собрание, отвергли все предложения социалистических партий об едином фронте. Поэтому на коммунистической партии лежит вся ответственность за пролитую в ходе этой войны кровь крестьян и рабочих.

Память у большевиков не настолько коротка, чтоб они могли забыть, как Ленин уже в *апреле* 1917 г. призывал рабочих к гражданской войне. Это было его первое слово после переезда русской границы. Большевики помнят, как в *июле того же года* двигались по улицам Петрограда их грузовики с {62} вооруженными людьми, с пулеметами и с плакатом: «Да здравствует гражданская война!» Они помнят, какие усилия прилагали в то время социалисты-революционеры и меньшевики, чтобы спасти единство демократии, чтобы предупредить братоубийственную войну в ее среде. Какое же право имеют эти люди обвинять теперь социалистов-революционеров за то, что те участвовали в гражданской войне, защищая Временное Правительство и Учредительное Собрание?

Можно как угодно оценивать политику Временного Правительства первого периода российской революции. Как угодно можно оценивать и лежавшую в основе этой политики идею коалиции социалистов с

буржуазно-демократическими элементами. Но одно ни в ком не может вызывать ни малейшего сомнения: что партия, делегировавшая в составе правительства своих членов, не только имела право, но была *обязана* всеми силами защищать его против посягательств заговорщиков-путчистов, каковыми были большевики, имевшие в своем распоряжении штыки, но не имевшие за собой большинства народа.

Точно также по разному можно смотреть на принципы народовластия и на Учредительное Собрание, являющееся воплощением этих принципов. Но ясно, что партия, стоящая на почве народовластия и получившая при всенародном голосовании большинство голосов, была *обязана* исчерпать все средства для защиты Учредительного Собрания от насильственных посягательств на его суверенные права.

А гражданская война и Волжский фронт весны 1918 г. явились историческим продолжением защиты Учредительного Собрания, той защиты, которую большевики так легко сломали в январе 1918 г. И опять таки, можно по разному оценивать политику партии социалистов-революционеров в этот период; можно осуждать линию поведения, которой следовали в это время отдельные члены партии, входившие в состав правительства, руководившего борьбой на Волжском фронте и в Сибири (так называемой „Директории“), — но это — вопрос *политической* или *исторической* оценки, вопрос, который ни в коем случае не может быть подменен вопросом об *юридической*, судебной ответственности партии, защищавшей в ходе гражданской войны {63} идею народовластия, перед партией, затеявшей эту войну ради утверждения своей диктатуры.

С точки зрения *юридической* вопрос исчерпывается тем, что после решения партии социалистов-революционеров отказаться от вооруженной борьбы с советской властью — решения, окончательно утвержденного советом партии в феврале 1919 года, — большевистское правительство объявило *амнистию* всем членам партии, участвовавшим в гражданской войне.

Партия была вслед за этим легализована и получила даже возможность издавать в Москве свой орган.

Правда, этот орган был закрыт на десятом номере; правда, две недели спустя после легализации партии начались массовые аресты ее членов; правда, в том же 1919 году партии пришлось вновь уйти в подполье, — но в течение 2½ лет оставалось все же бесспорным, что амнистия, объявленная советским правительством, исключает всякую возможность судебного преследования за деяния, покрытые этим актом.

И вот теперь, в 1922 году, большевистский суд подымает вновь эти старые дела.

Победители гражданской войны, захватчики власти судят, как мятежников, тех людей, которые пытались 4-4½ года тому назад защитить народных избранников от насилия! Судят их в нарушение собственного закона, в нарушение собственной клятвы, — ибо акт об амнистии является одновременно и законом, и клятвенным обещанием! По-видимому, большевики сами чувствовали невозможность подобного суда. Но советские юристы нашли выход из положения и внесли в обвинительный акт по делу социалистов - революционеров следующие соображения:

«Члены Центрального Комитета партии социалистов-

революционеров руководили контрреволюционной деятельностью партии с. - р. по подготовке вооруженного свержения советской власти, как до амнистии 1919 года, так и после указанной амнистии, в силу чего, согласно точному смыслу амнистии, таковая на них распространена быть не может.»

{64} Справедливую отповедь творцам этого толкования дал в «Социалистическом Вестнике» Мартов:

«Отцы-иезуиты, — писал он, — во истину, «мальчишки и щенки» в сравнении с коммунистическими казуистами. Воображаем, какой взрыв негодования поднялся бы в Коминтерне, если бы какое-нибудь буржуазное правительство попыталось истолковать данную им коммунистам амнистию в том смысле, что она распространяется лишь на тех из них, которые, будучи освобождены, не возобновили своей прежней деятельности по борьбе с буржуазией! Даже царское правительство, амнистировав нас в Октябре 1905 года, не придумало после посадить нас обратно в казематы для наказания за старые «преступления» на том основании, что мы занялись новыми!»

Но сами обвиняемые в московском процессе не пользовались этим метким и сильным аргументом: согласно своему пониманию политического смысла процесса, они не хотели формально-юридическими доводами парировать направленные против них удары и предпочитали отвечать на них ссылками на свой революционный долг.

Так, Гоц, в ответ на запрос председателя, имеет ли он что-нибудь добавить к обвинительному акту, заявил:

«Как член Ц. К. партии, пославшей своих членов во Временное Правительство, обязанный поддерживать последнее и всегда бывший в курсе правительственных решений, я принимаю на себя всю ответственность за вооруженное выступление в октябре 1917 г. Другого исхода для Центрального Комитета быть не могло, тем более, что наши политические противники во время борьбы с нами в октябре выкинули народным массам лозунг: «мир во что бы то ни стало»!

«После октябрьского переворота мы считали своим прямым долгом перед родиной начать вооруженную борьбу с захватчиками власти, подписавшими позорные условия Брест-Литовского соглашения и готовыми на дальнейшие уступки, ведущие к порабощению русского народа, только что сбросившего с себя оковы самодержавной власти.»

{65} Эта позиция обвиняемых сделала бесцельными и жалкими попытки обвинения «разоблачить» борьбу социалистов-революционеров против советской власти. И потому кремлевская прокуратура перенесла свое внимание с общего вопроса о гражданской войне на частный вопрос о сношениях социалистов-революционеров, во время гражданской войны, с иностранными миссиями.

Ответ на эти обвинения дал Тимофеев в своих объяснениях по поводу обвинительного акта:

«Выставленные против нас обвинения в сношениях с иностранными державами и получение от них военной и финансовой помощи в 1917 году следует адресовать Временному Правительству, признанному всем русским народом, в состав которого, на правах членов правительства, входили члены нашей партии. Это правительство стояло на страже соблюдения договоров и обязательств с союзниками, и члены нашей партии, входившие в его состав, считали охранение чести русского народа и насущных интересов Родины своими высшими обязательствами. Они признавали необходимым дальнейшее участие России в мировой войне, надеясь, исходя из своих социалистических идей мира, добиться при будущих переговорах приемлемых для России условий. Заключенный в 1918 году Брест-Литовский договор вызвал дальнейшее сотрудничество с союзниками, необходимое для спасения Родины от германского империализма, поддерживаемого советской властью. Наш контакт с союзниками продолжался до германской революции.»

Показания свидетелей, прошедших перед судом, в полной мере подтвердили эти объяснения.

Единственной опорой обвинения в этом пункте остались голословные утверждения предателей-перебегчиков. Но и они не могли привести ни одного существенного факта и лишь ссылались друг на друга, как на первоисточник осведомления.

Тринадцать заседаний Трибунал посвятил на уличение социалистов-революционеров в террористических актах против представителей советской власти. Конкретно речь шла о двух актах, — об убийстве Володарского 20 июня 1918 г. и о покушении на Ленина в сентябре того же года.

Относительно первого террористического акта с полной точностью установлено, что это убийство было совершено рабочим Сергеевым, входившим в {66} Семеновский отряд, и что Центральный Комитет партии не только не санкционировал этого акта, но отнесся к нему с самым резким осуждением.

Что же касается до покушения на Ленина, то оно было совершенно без ведома партии экзальтированной девушкой Дорой Каплан, бывшей анархисткой, чуть ли не накануне покушения вступившей в партию социалистов-революционеров, доведенной до исступления зрелищем зверств большевизма и мечтавшей своей смертью купить русскому народу освобождение от ярма диктатуры. На выстрел Доры Каплан большевики ответили массовыми убийствами заложников. Тысячи ни в чем неповинных людей были перебиты и зверски замучены.

Но эта груда трупов показалась главарям большевизма недостаточно высокой. И вот, четыре года спустя, выдвигается вопрос об ответственности партии социалистов-революционеров за этот роковой выстрел Доры Каплан.

Доказать *прямо* связь партии с этим делом, разумеется,

невозможно. Но пускаются в ход косвенные улики: партия *обсуждала* вопрос о терроре, *сочувствовала* террористическим актам, была *склонна* приступить к террористической борьбе . . .

В самом начале процесса Гоц заявил:

«Что касается предъявленных мне, как члену Центрального Комитета, обвинения в санкции отдельных выступлений некоторых членов партии, покушавшихся на жизнь вождей наших политических противников, то эти обвинения я отвергаю, как необоснованные, не имеющие фактических данных и построенные исключительно на голословных показаниях, данных бывшими членами нашей партии при переходе их в коммунистическую партию. Такие выступления резко расходятся с постановлениями Центрального Комитета.»

По вопросу об обсуждении партией вопроса о террористической борьбе против большевиков, Тимофеев привел следующую справку:

«Первый раз Ц. К. обсуждал вопрос о терроре в середине января 1918 г., но абсолютным большинством вопрос был снят с очереди. Второй раз тот же вопрос был поднят в январе и в третий раз в июне месяце в Москве, и всегда решался отрицательно тем же абсолютным большинством.»

{67} Но почему же этот вопрос снова и снова вставал перед партией ?

Свидетельские показания с полной несомненностью доказали, что все террористические планы исходили от Семенова и Коноплевой, и что этой же четой провокаторов и завербованными и обманутыми ею людьми, без ведома партийного центра, были совершены те действия, ответственность за которые большевики хотели взвалить на партию социалистов-революционеров. Это был решительный провал главного пункта обвинения.

Тогда большевики выдвинули против подсудимых новое обвинение — принялись судить их за деяния парижского «внепартийного объединения».

Это новое обвинение большевики основывали на документах, выкраденных монархистами из парижского архива руководящего центра названной организации.

Когда большевистский прокурор Крыленко возбудил перед Трибуналом вопрос о приобщении к делу полученного материала, Гоц от имени обвиняемых заявил:

«Мы, обвиняемые, члены Ц. К., не раз заявлявшие Трибуналу, что принимаем на себя всю ответственность за действия всех групп партии, поскольку эта деятельность имела место в России, а также отвечаем за все выступления нашей заграничной делегации в настоящее время. Что же касается предъявления нам Трибуналом совершенно новых, сомнительного происхождения документов, освещающих якобы деятельность каких то групп, которые выступали за границей от имени нашей партии и, по мнению государственного обвинителя, были тесно связаны с нашей работой, мы заявляем Трибуналу, что принять на себя

ответственность за неизвестную нам деятельность неизвестных нам лиц — мы не можем, а потому ходатайствуем об изъятии полученных документов из судебного производства, как не имеющих прямого отношения к приписываемым нам обвинениям.»

Суд отказал обвиняемым в их ходатайстве. Документы были приобщены к делу. С вопроса о том, что делали в России Гоц, Тимофеев и другие обвиняемые, Трибунал перешел, таким образом, к вопросу о том, что делали третьи лица в Париже в то время, как обвиняемые томились в тюрьме.

{68} Тогда Гоц обратился к суду с новым заявлением:

«Подсудимые первой группы поручили мне передать Трибуналу, что они отказываются участвовать в обсуждении новых документов и просят Трибунал избавить их от присутствия в зале заседания при оглашении и обсуждении этих документов».

Эта просьба подсудимых была удовлетворена. Им предоставлено было покинуть зал, и судьи без них занялись рассмотрением доставленных из Парижа бумаг.

Что это за бумаги? Что представляло собой «беспартийное объединение», и какое отношение имеют к этой организации московские узники советской власти?

На эти вопросы отвечает опубликованное 14-го июля заявление заграничной делегации партии социалистов-революционеров:

Большевики совместно с монархистами выкрали некоторые документы из парижского архива бывшего Административного Центра Внепартийного Демократического Объединения. Крыленко через несколько дней после кражи передал часть этих документов «ревтрибуналу», прося приобщить их к делу о членах Ц. К. ПСР. Большевицкий суд, несмотря на протесты обвиняемых, удовлетворил это ходатайство.

«Заграничная делегация ПСР заявляет:

«1. Ни один из членов партии с.- р. обвиняемых на московском процессе не принадлежал к заграничному беспартийному объединению.

«2. Во время деятельности этого объединения, (1920-21 г.г.) обвиняемые находились в тюрьме.

«3. Деятельность объединения протекала за границей и, как явствует из декларации Административного Центра, опубликованной год тому назад в газете „Воля России“, заключалась в содействии объединению сил революционной демократии, в создании и поддержке органов печати, ставящих своей задачей борьбу с интервенцией и белой и большевистской диктатурами, и в осведомлении в духе этих задач европейского общественного мнения.

«4. Отдельные члены партии с.- р., находящиеся за границей, входили в это объединение и принимали участие в таких созданных им или пользовавшихся его поддержкой

органах, как «Воля России» и {69} «Пур ля Руси», которые, не будучи партийными, ни в чем не расходились, однако, с политическими директивами партии.

«5. Административный Центр этой внепартийной организации не находился ни в какой зависимости от партийных центров и действовал вне контроля партии, которая поэтому никакой политической ответственности за его действия нести не может.

«6. Попытка «уличить» партию с. р. в организации восстаний на основании выкраденной у заграничного внепартийного объединения информационной и административной переписки (не говоря уже об уголовных приемах добывания документов для обвинения и о нелепости самой попытки установить связь между организацией данного типа и местными восстаниями в России) свидетельствует лишь о полном бессилии большевистских прокуроров найти в полицейских доносах и провокаторских показаниях достаточный материал для обоснования заготовленного заранее приговора.

„Партия с. - р. не намерена уклоняться от исторической и политической ответственности за всю ту борьбу, которую она вела и ведет против большевистской и белогвардейской диктатуры, в том числе и за тот период ее, когда она подымала оружие на защиту народовластия. Но она с презрением отменяет полицейские попытки навязать ей ответственность за действия, в которых она не принимала и не принимает участия.»

Я не буду останавливаться здесь на рассмотрении *по существу* украденных из парижского архива документов, не буду оценивать деятельность „внепартийного объединения“. Ибо я говорю здесь не о преимуществах той или иной доктрины, той или иной тактики, а о *двенадцати смертниках*. И возможны ли два мнения о суде, который изрек им смертный приговор за действия организации, в которую они, обвиняемые, не входили, о которой они знали лишь по смутным слухам, и на которую они *не могли* оказывать ни малейшего влияния!

Но чтобы оценить в полной мере этот момент московского процесса, нужно припомнить еще, что люди, {70} сидевшие на скамье подсудимых, давно уже, задолго до начала, процесса, открыто и со всей решительностью выступили против тенденций парижского «внепартийного объединения» и примыкающего к нему «совещания членов Учредительного Собрания» — я имею в виду опубликованное в № 14-15 „Революционной России» (ноябрь-декабрь 1921 г.) письмо «к зарубежным товарищам», подписанное Тимофеевым, Гендельманом, Гоцем, Донским, Б. Ивановым, Лихачем, Раковым, Евгенией Ратнер и другими.

«В чем на наш взгляд состоит основная задача зарубежных представителей партии? — писали товарищам заключенные в Бутырской тюрьме социалисты-революционеры: В том, чтобы связать ту борьбу, которую ведет наша партия, как партия социалистическая и революционная, в России, с борьбой международного рабочего класса. Знакомить европейское социалистическое мнение с уроками русской революции, с

опытом русских социалистических партий, с их ошибками, поражениями и победами, с одной стороны, и с другой — *интернационализировать* нашу борьбу с диктатурой большевистской партии, приобщать, вовлекать в нее рабочий класс всех стран, подкреплять усилия наших организаций, борющихся в неимоверно тяжелых внешних условиях, моральной и идейной поддержкой международного рабочего класса — вот на что должно быть устремлено главное внимание наших зарубежных товарищей, долженствующих всегда помнить, что наша партия является лишь одним из отрядов международного рабочего класса. И с этой точки зрения мы самым решительным образом отмечаем все попытки «великодержавной» политики, которой так увлекаются некоторые из заграничных товарищей. Какие бы широкие перспективы в будущем ни открывались пред нашей партией, какие бы заманчивые дали ни рисовались в воображении отдельных ее руководителей, — надо помнить постоянно о нашем — увы — скромном настоящем. Здесь не должно быть места никаким иллюзиям, самообольщениям, «нас возвышающим обманам.» С одной стороны, загнанная в подполье, израненная, жестоко преследуемая партия, а с другой, распыленные, {71} усталые, истекающие кровью народные массы — такова действительность. В этих условиях было бы непоправимой ошибкой отрывать партию от той единственно правильной работы собирания, накопления, воспитания народных масс в процессе напряженной политической борьбы против диктатуры большевистской власти, которой заняты в России все активные ее элементы.

«В этой борьбе у русских социалистических партий и русских трудящихся масс — один только союзник в Европе и Америке»; это международный рабочий класс. И в эту сторону должны быть направлены все усилия наших зарубежных товарищей. Все демарши перед европейскими правительствами и так называемыми «серьезными» кругами, предпринимаемые отдельными товарищами, опирающимися либо на свой личный авторитет, связанный с деятельностью в прошлом, либо на надежды, возлагаемые теми или иными западноевропейскими правительствами и кругами на партию социалистов-революционеров в связи с ее ролью в будущем, — не только не способны облегчить ту трудную задачу по борьбе с большевистской диктатурой, которую возложила история на плечи нашей партии, но, наоборот, лишь запутывают положение, затемняют нашу линию, отбрасывают от нас европейские социалистические партии и широкие народные массы и этим самым затрудняют и без того трудную борьбу с большевистской властью. Изоляция большевизма в международном рабочем движении, — вот первая и основная задача, стоящая перед зарубежными представителями партии. Тактика же некоторых из нас приводит лишь к изоляции партии от международного рабочего движения. Если партии социалистов-революционеров волею трудящихся масс суждено будет снова стать во главе русской революции, — тогда она, в меру реальных сил, представляемой ею

государственной власти, сумеет установить с западноевропейскими правительствами отношения, соответствующие интересам государства и народа. Но такое предвосхищение грядущих событий, бесполезное для будущего, для настоящего только вредно, отвлекая внимание товарищей — повторяем — от единственной задачи, {72} стоящей перед ними, — установления тесной идейной и организационной связи между партией социалистов-революционеров и международным рабочим классом.

«Ту же подстановку партийной работы за границей фиктивным государственным представительством должны мы отметить и в другом вопросе, продолжающем волновать умы действующих товарищей в России, в вопрос о так называемом Парижском Совещании. Партия в лице X Совета уже достаточно отчетливо высказала свою точку зрения на этот вопрос и в целом решительно и бесповоротно осудила все это начинание, как беспочвенную затею группы лиц, никем не уполномоченных, никого не представляющих, ни на кого не опирающихся. Уже тот факт, что партия в этом вопросе со столь поразительным единодушием отвернулась от столь многих заслуженных своих вождей и не постеснялась дезавуировать их перед лицом социалистического европейского общественного мнения, — уже одно это должно было дать понять всем участникам этого злополучного совещания, на сколько их предприятие в корне противоречит всей политике партии и бьет по интересам русской революции. Не боязнь демагогической травли большевистской прессы, как по-видимому склонны думать вы, — а сознание опасности, которая грозит срывом основной линии, с таким трудом вырабатываемой сейчас партией, — вот та единственная причина, которая заставляет сейчас всех членов партии социалистов-революционеров, работающих в России, и ее руководящие органы с таким единодушием и настойчивостью требовать от зарубежных товарищей ликвидации всего парижского начинания. И если на одну чашку весов положить *мифические* политические выгоды, вытекающие из коалиции или блока с группой Милюкова, являющейся, по вашим же словам, «жалким осколком кадетской партии», никого не представляющей, а на другую *реальные опасности*, связанный для дела единства партии с дальнейшим упорствованием в курсе политики, намеченном некоторыми из зарубежных товарищей, нам думается, что выбор для каждого, дорожающего интересами партии, не труден. {73}

«Из очерченной выше концепции, вытекает для зарубежных представителей партии только одна позиция по отношению к западноевропейскому и американскому правительствам, — неустанная борьба со всякого рода интервенционистскими поползновениями в скрытой или явной форме.

«Высшей инстанцией в решении вопросов тактики являются потребности текущего момента. А если бы вы более внимательно отнеслись ко всем указаниям, исходящим от товарищей, работающих в России, то вы легко согласились бы с нами, что не коалиция или блок с «осколками партии»,

представляющей в России в данный политический момент лишь ирреальные величины, а соглашение с социал-демократами меньшевиками с целью координации политической борьбы и установления единого развернутого демократическо-социалистического фронта — вот, что стоит *реально* в порядке сегодняшнего дня. И, несмотря на ряд значительных расхождений в позиции нашей партии с партией с. - д. меньшевиков, объединенное наступление по отдельным вопросам двух делегаций перед лицом международного рабочего класса мы считали бы наиболее целесообразной защитой интересов русской революции на Западе. Подобное более тесное координирование с заграничной делегацией с. - д. меньшевиков приобретает тем большую реальность, чем быстрее происходит среди с. - д. меньшевиков процесс изживания под ударами «упрямых» фактов русской действительности и большевистской практики утопических представлений о социалистическом характере русской революции в *данной ее большевистской стадии* и мечтании о возможности мирного перерождения «кремлевской диктатуры» в «рабоче-крестьянскую демократию».

«Таковы, по нашим убеждениям, задачи, стоящие сейчас перед зарубежными представителями партии. Мы считаем своим долгом высказать свое мнение со всей решительностью и резкостью, чтобы устранить почву для всякой неясности и недоговоренности. Мы никогда не считали возможным посягать на бесспорное признание в нашей партии права свободного высказывания своих воззрений. Партия с. - р. {74} никогда не страдала пороком догматизма и сектантской непримиримостью. Но никогда еще партия не нуждалась так в единстве действия, в сплоченности, сомкнутости рядов, как сейчас. Преодоление большевистской диктатуры, поставленное в порядок дня всем ходом событий русской революции и выдвинутое в качестве тактического задания X-м советом партии, требует от партии с.- р. огромного напряжения всех сил, выдержанности и методичности работы, ликвидации в ее рядах шатания и колебаний, прекращения междоусобной борьбы внутри ее. Таков единодушный голос всех товарищей с «передовых позиций» революции. Прислушайтесь к нему.»

Авторов этого письма большевики осмелились обвинять в интригах с Антантой, в подготовке интервенции, в поддержке блокады вокруг России! Этих людей они приговорили к смертной казни за те самые действия, которым подсудимые дали в цитируемом документе столь полную критику с точки зрения революционного социализма!

Впрочем, будем справедливы к большевикам! Не будем представлять московских судей глупее, наивнее, чем они суть на самом деле.

Не за гражданскую войну, покрытую амнистией, осудили они социалистов-революционеров, и не за террористические акты и грабежи, совершенные Семеновым и Коноплевой, и не за документы, выкраденные

в Париже монархистами. Нет! Они приговорили обвиняемых к смерти за то, что те, сидя на скамье подсудимых, оставались грозными обвинителями советского самодержавия.

Может быть, заявления обвиняемых, приведенные на предыдущих страницах, уже приоткрыли перед читателем души этих людей. Но я хотел бы представить здесь их образ полнее и ярче. И можно ли сделать это лучше, чем воспроизведя их письма, их слова, их речи?

Вот, что писали обвиняемые своим иностранным защитникам на другой день после описанной выше демонстрации у Виндавского вокзала:

{75} «Дорогие товарищи! С тяжелым чувством мы узнали, что кампания клеветы и заушений, поднятая против вас всей большевистской прессой, привела к тому, к чему она должна была неизбежно привести: к диким сценам, разыгравшимся около вокзала в момент вашего приезда в Москву. Раболепно приветствуя в свое время представителей германского империализма графа Мирбаха и Гельфериха в «красной» Москве и расценивая их приезд, как «победу революции», большевики ныне в прибытии представителей международного социализма усматривают оскорбление русского рабочего класса... Русский рабочий класс так же мало повинен в этих отвратительных эксцессах, как мало повинен и в той политике кровавого террора и насилия, которую ведет большевистское правительство, кощунственно прикрываясь именем рабочих и крестьян.

«Инсценировка «народного негодования» с помощью платных агентов чрезвычайек и комьячеек настолько очевидна, что она вряд ли кого способна ввести в заблуждение даже из лиц, мало знакомых со всеми методами и приемами большевистского властвования.

«Подобные факты, бессильные в какой бы то ни было мер оскорбить вас, старых испытанных вождей международного пролетариата, обрушиваются всей тяжестью позора лишь на подлинных организаторов — Центр. Ком. Росс. Ком. Партии, лишней раз свидетельствуя перед лицом всего мирового социализма, что нет тех бесчестных средств, перед которыми останавливались бы большевики в борьбе со своими противниками.

«Народное негодование», инсценируемое агентами чека, так же мало выражает подлинное настроение русских широких народных масс, как мало пышные военные парады, устраиваемые в честь третьего интернационала, свидетельствуют о приверженности русского пролетариата и крестьянства идеям большевистского коммунизма. К подобного рода «народным» движениям мы уже привыкли со времен самодержавия, когда царская полиция с таким же успехом, как нынешняя большевистская чрезвычайка, инсценировала верноподданнический восторг и негодование против социалистов.

{76} «Но в большевистских эксцессах, связанных с вашим приездом, было нечто такое, что заставляет нас, слишком хорошо знакомых с практикой большевистской власти, поднять свой предостерегающий голос. К обычным приемам коммунистической партии — клевете, лжи, инсинуациям — прибавились и откровенные призывы к самосуду уличной толпы. Иначе мы не можем расценивать резолюции, принимаемые комьячееками, якобы от имени рабочих отдельных фабрик и заводов, с требованием беспощадной расправы над членами партии социалистов-революционеров, привлеченными к суду, и их

защитниками — представителями второго и венского интернационалов, и циничные кроважанные песенки, специально изготовленные казенными поэтами к вашему приезду. У нас нет уверенности, что к моменту суда эти сцены в увеличенном масштабе вновь не будут иметь места.

Мы, пленники большевистской власти, давно уже свыклись с мыслью о возможности расправы над нами, в виде инсценированного чекой самосуда. Но мы чувствуем себя не в правоте подвергать той же опасности и вас, вождей международного пролетариата. И если власть не откажется немедленно от травли против вас, грозящей вылиться в форму самосуда, и не прекратит инсценировки уличных сцен, мнимого «народного негодования», — мы готовы скорее лишиться вас, как защитников в предстоящем процессе, нежели подвергать международный социалистический пролетариат опасности гибели, в настоящий напряженный момент борьбы мирового капитала с социализмом, его наиболее выдающихся вождей.

«Заключенные в Лефортовской тюрьме члены К. и члены партии С.-Р.:

А. Гоц, М. Гендельман, С. Марков, Е. Ратнер, М. Веденяпин, П. Злобин, Л. Герштейн, В. Утгоф, Д. Донской, Е. Горьков, Добролюбов, Ф. Федорович, Е. Тимофеев, Д. Раков, Н. Иванов, Е. Иванова, А. Либеров, М. Лихач, Н. Артемьев, В. Агапов, А. Альтовский, Б. Иванов.»

{77} Поведение обвиняемых на суде было проникнуто теми же чувствами, которыми дышит это благородное и смелое письмо.

С первого же момента появления этих людей на «суде», все почувствовали, что это пришли не подсудимые, а неумолимые обвинители. Громовыми волнами прокатились первые же слова оглашенной Гендельманом декларации:

— Мы не признаем вашего суда, не признаем не только в силу вопиющих нарушений ваших же законов, но главным образом потому, что здесь будет политический бой между партией социалистов-революционеров и партией большевиков, а судьбы этого боя не третья, не нейтральная сторона, не беспартийные или члены других партий, свободно избранные народом, а члены той же партии большевиков, назначенные их Центральным Комитетом и явившиеся на суд с заготовленным Ц. К. РКП приговором.

— В вашем обвинительном акте имеются не только неточности, с которыми и вы соглашаетесь, но и прямые подлоги, — бросает далее в лицо Трибуналу тот же Гендельман.

— Не за головами ли подсудимых приехала издалека Клара Цеткин? — спрашивает Евгений Тимофеев.

— Где ваши клятвы, данные на берлинском совещании интернационалов о свободе суда и защиты — спрашивают подсудимые, — когда 11 свидетелей защиты вы не приводите в суд и держите под стражей?

— Мы пришли сюда только потому, что вы перед лицом международного пролетариата обещались в Берлине и уверяли в вашей

прессе, что суд будет свободный, гласный и доступный для всех. Но ваша каучуковая честь и темная совесть не помешали вам нагнать в этот зал злопыхательствующих и жаждущих крови коммунистов — бросает в лицо Трибуналу Лихач.

— Вы отказываете нам в вызове наших свидетелей, потому что боитесь их, а мы — заявляет Тимофеев — просим ваших свидетелей, ждем всех их сюда.

Каким гордым презрением к смерти проникнуты обращенный к судьям слова Гендельмана:

{78} — С того момента, как мы попали в ваши руки, мы были уверены в том, что вы нам вынесете смертный приговор. Но с этих скамей вы просьбы о помиловании не услышите !

Вотерс так обрисовал в брюссельском «Пепль» подсудимых на московском процессе:

«Они сидят сзади нас. Они торжествуют. Их деятельность обсуждают публично! И они с гордостью принимают на себя ответственность за всё содеянное ими.

«Первым выступает Гендельман. Он начинает с резкого нападения:

« — Мы не признаем вашего трибунала. Он получил приказ нас осудить. Он получил свои полномочия от правительства, подобного правительству 18 брюмера, которое состояло из осужденных преступников, бродяг, сутенеров, проституток и продажных журналистов.

«Выступает Тимофеев:

« — Мы пришли сюда не для того, чтобы спасти свои головы — они принадлежат революции!

— «И дальше: — Отказаться от священного права на восстание — никогда! Это священное наследие французской революции и неписаный закон каждой социалистической партии.

«Лихач, так хорошо владеющий собой, выжидающий, когда толпа перестанет неистовствовать против них, обдающий ее презрительным взглядом; Гоц, приветствуемый оскорблениями, этот вождь с его ясной головой; рабочий Берг, который на вопрос: «признаете ли вы себя виновным?» — отвечает: «да, я признаю себя виновным перед революцией в том, что слишком мало сделал для того, чтобы уничтожить вашу зловредную диктатуру.»

«Их нужно цитировать всех, потому что они все равны между собою по мужеству и смелости...

«Среда, 14-го июня. Обвиняемые просили нас сложить с себя их защиту. Мучительная минута. Мы расстаемся с ними, мы обнимаем их, эти двадцать две головы, над которыми продолжает висеть мрачная угроза.

{79} «Раздаются звуки «Интернационала» — меланхолические, раздирающие душу . . . Мы уходим потрясенные . . .»

Деспоты рубят негнушаяся перед ними головы. При Николае Романове эти люди томились в каторжных тюрьмах, при Ленине они приговорены к смертной казни.

8. Приговор.

После допроса свидетелей говорили обвинители. Из них один лишь Садуль попытался отграничить свою роль от роли чекистского палача: он обвинял партию социалистов-революционеров, но не требовал казни подсудимых.

Остальные — от Луначарского до Клары Цеткин — если не вызывались сами расправиться с подсудимыми, то проявили готовность намыливать веревку перед их казнью. Наиболее кровожадную речь произнес Крыленко. Затем слово было предоставлено подсудимым. Тимофеев закончил свою речь словами:

— У нас с вами нет общих путей. Мы остаемся теми, кем были.

Гоц подтвердил:

— Мы были и останемся навсегда социалистами.

И со своим обычным спокойным мужеством он прибавил:

— За эти годы я не мог дать отчета моей партии о своей работе, пусть же мой отчет с высоты этой трибуны — скамьи подсудимых — послужит завещанием для оставшихся членов партии. Если нас ожидает смерть, мы ее примем без страха, если же мы останемся в живых, то мы после нашего освобождения будем вести с вами борьбу так же, как вели до сих пор.

Снова получил слово обвинитель. В своей речи он коснулся меры наказания и сказал, что с точки зрения пользы или опасности, которую могут принести обвиняемые, этот вопрос решен заявлениями Гоца, Гендельмана и Тимофеева, сказавших, что пока они живы, они будут действовать, как они действовали до сих пор, и что от них нельзя ожидать ни отказа от их тактики, ни просьбы о помиловании. «Что можно сделать после таких {80} заявлений? Что мы видим, обращаясь к прошлому? В Петрограде юнкерское восстание и кровь, в Москве октябрьское восстание и кровь, в Архангельске кровь, в Самаре и Сибири кровь, в Тамбове и недавно в Кронштадте опять кровь. Поэтому я совершенно спокойно заявляю: «Кровь должна быть пролита здесь, чтобы в будущем не проливалось крови, или, по крайней мере, проливалось ее меньше.»

Не иначе говорили версальцы, расстреливая коммунаров, не иначе мотивировали казни Деникин и Хорти...

Но мы знаем уже, что большевикам мало физического убийства, что они стремятся к «моральному уничтожению» противников. С этой целью после повторных призывов обвинителя к расстрелу подсудимых, обвиняемым было предложено заявить о раскаянии и об отречении от партии. Перед подсудимыми приоткрылась дверь к жизни, к свободе. Никто из них не вошел в эту дверь.

Отвечал судьям Тимофеев.

— Государственные обвинители Луначарский и Крыленко, поддерживая против нас обвинение по всем пунктам и будучи сами не вполне уверены в нашей виновности, сочли необходимым в облегчение своей задачи предложить нам покаяться и отречься от прошлой деятельности. В ответ на это предложение я уполномочен от имени всех подсудимых первой группы категорически заявить Трибуналу и государственным обвинителям:

ни о раскаянии, ни о каком либо отречении речи быть не может, и вы никогда с наших скамей ничего подобного не услышите. Как мы стояли раньше, так и в дальнейшем мы будем всегда стоять на своих прежних позициях, и в этом отношении мы всегда останемся для вас нераскаянными рецидивистами.

Не довольствуясь этим заявлением, Трибунал, удаляясь на совещание для вынесения приговора, вторично обратился к подсудимым первой группы с вопросом: «каково было бы их отношение к советской власти, если бы вынесенным приговором они получили свободу?»

На это последовал ответ Тимофеева:

{81} — Мы остаемся при неизменном решении, каковое вам известно из первоначальных допросов каждого из нас на прошлых заседаниях.

7-го августа Трибунал вынес свой приговор:

а) Двенадцать человек — Гоца, Донского, Герштейна, Гендельмана, Лихача, Николая Иванова, Елену Иванову, Евгению Ратнер, Тимофеева, Морозова, Агапова, Альтовского — *расстрелять*.

б) Десять человек: Злобина, Утгофа, Берга, Львова, Либерова, Артемьева, Ракова, Федоровича, Веденяпина, Горькова — *заклЮчить в тюрьму* на сроки от 2 до 10 лет.

в) Предателей *освободить*.

Этот приговор поступил на рассмотрение происходившей в то время в Москве конференции большевистской партии. Здесь члены советского правительства, за исключением Троцкого, часть президиума ВЦИК-а, члены конференции, прибывшие из провинции, и начальники советских заграничных миссий высказались за замену приговора изгнанием осужденных навсегда из пределов РСФСР.

Группа Троцкого, Сталина и Бухарина, возражая против этой меры, предложила потребовать от всех осужденных первой группы дать в 24-х часовой срок обязательство отказаться навсегда от всяких выступлений против советской власти, порвать сношения с партией и ее членами, и если такое обязательство будет ими дано, заменить расстрел — пятилетней ссылкой в Северные губернии на принудительные работы, а тюремное заключение — принудительными работами в концентрационных лагерях сроком на один год. В случае же отказа осужденных дать такое обязательство — приговор привести немедленно в исполнение.

После бурных прений заседание приняло компромиссное предложение Каменева: считать вынесенный приговор *условным* и не

приводить его в исполнение, если члены партии с. - р. откажутся от фактических выступлений в России и за границей против советской республики.

В таком виде приговор был утвержден и опубликован Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом — в формулировке, которая ясно показывает, как далеки большевики от мысли выпустить из своих рук добычу:

{82} «Относительно двенадцати обвиняемых приговоренных к высшей мере наказания ВЦИК постановил: приговор утвердить, а исполнение его приостановить.

«Если партия социалистов-революционеров фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против советской республики, приговор в исполнение приведен не будет».

«Если же партия социалистов-революционеров в дальнейшем будет применять методы вооруженной борьбы против советской власти, то это неизбежно приведет к расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов контрреволюционного террора и мятежа.»

Большевики квалифицируют свой приговор, как применение принципа *условного осуждения*. Невежество это или лицемерие?

Если партия прекратит подпольно-заговорщическую работу...

Но кто будет решать, носит ли работа партии социалистов-революционеров подпольно-заговорщический характер, или нет? Чека? И если в рядах чекистов возникнут разногласия по вопросу о характере работы эсэровской партии, то к каким экспертам обратятся кремлевские комиссары для разрешения этого спора? К Семенову, Коноплеву и другим предателям! И разве не ясно заранее, что в *каждом* выступлении партии, лишенной возможности действовать открыто, легально, *можно* найти признаки подпольно-заговорщической работы?

Если партия откажется от террористической борьбы против советской власти ...

Но и подсудимые, и центральный учреждения партии социалистов-революционеров уже неоднократно заявляли о том, что партия в борьбе с советской властью никогда не прибегала к террору. И несмотря на это руководители партии приговорены к смертной казни, на основании оговоров проникших в ее среду авантюристов-предателей. Что же стоит Чека выдвинуть на сцену нового иуду, который по приказу начальства покажет, что такой то эсэр подговаривал его взорвать на воздух всю Москву?

{83} *Если партия откажется от военно-шпионской деятельности...*

В чем проявлялась до сих пор подобная деятельность партии социалистов-революционеров? На этот вопрос московские судьи не дадут ответа. Но мы помним, как у большевиков чуть-чуть не попал в польские шпионы благонамереннейший французский коммунист Лафон. Мы помним, как большевики расстреляли русского ученого Ухтомского, подведя под понятие шпионажа его корреспонденции о состоянии музейного дела в России. Что же помешает им объявить шпионажем любую эсэровскую газету, выходящую в России или за границей и

освещающую положение советской России иначе, чем казенные «Известия» и «Правды»?

Повстанческая работа...

Но мы знаем, что большевики возлагают на эсэров и меньшевиков ответственность за выступления контрреволюционных генералов, за местные восстания, за действия бандитских отрядов. И при первом же военном восстании, при первой вспышке крестьянских или рабочих волнений, при первом выступлении Врангеля, Петлюры или Савинкова, московские самодержавцы могут заявить:

— Итак, повстанческая деятельность партии социалистов-революционеров не прекратилась — к стенке осужденных социалистов, к стенке Гоца, Тимофеева, Гендельмана, Донского и их товарищей!

Короче: *по точному смыслу* московского приговора, двенадцать смертников могут быть казнены в любой день, в любой час.

Недаром московская «Правда» (в № 178) пишет:

«Первый подожженный завод, первое убийство из за угла, — и эсэры будут наказаны по закону.»

«Наказаны по закону» — это значить, убиты. И для этого не требуется даже, чтобы поджигателями или убийцами были социалисты-революционеры, — достаточно факта поджога или убийства.

И вот сейчас я пишу о них, вижу перед собой Гоца, этого стойкого революционера, которому страх столь же неведом, как тщеславие, вижу его милое, ласково улыбающееся, умное лицо, припоминаю его {84} спокойную, всегда уверенную, всегда целомудренно простую речь, — и не знаю, не прикончат ли его в ближайшие дни московские палачи.

Вспоминаю Тимофеева, его гордую голову, к 30 годам уже белую как снег, его полные огня, мысли и воли глаза, его быстрые движения, вспоминаю его таким, каким был он на каторге в годы реакции, и не знаю, что с ним теперь. . .

Мы, русские революционеры, помним смертничьи секретки царизма. Никогда ничто не сотрет из нашей памяти то, что переживалось в камерах приговоренных к казни. Но даже в худшие времена черного террора при самодержавии не был возможен приговор, хоть скольконибудь приближающийся к приговору московского трибунала.

Передовая в № 102 «Голоса России» дает верную оценку этому приговору, когда пишет:

«Он хуже и бесстыднее голого убийства.» Жажда крови и гнусный политический шантаж соединились в нем с утонченнейшей *пыткой смертью*.

«Что означает условность приговора? «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет оставляет себе право привести в исполнение приговор, когда ему вздумается. Осужденные подвергнуты постоянной пытке смертного ожидания. Они пожизненные заложники. Они отвечают своими головами за каждую новую клевету на партию с. - р., за каждое выступление своих товарищей, находящихся на свободе.

«Большевикам мало простого расстрела. Они — точно торговцы живой человеческой кровью — устраивают

небывалую в истории политическую спекуляцию головами своих жертв. Они хотят вечной угрозой казнью Гоца, Тимофеева, Донского и других приговоренных — связать, привести к бездействию всю партию с. - р.

«Они надеются обмануть возмущенное чувство рабочих всех стран, протестовавших против смертной казни; они не расстреливают сейчас подсудимых, но они могут расстрелять их каждую минуту. Когда движение протеста затихнет, когда {85} внимание социалистической Европы будет чем либо отвлечено — тогда, втихомолку, в каком-нибудь из чекистских застенков или каторжных централов, большевики прикончат этих «вечных смертников», прикончат поодиночке или всех вместе.

«Самая изощренная фантазия может ли вообразить себе более острое надругательство, более утонченное мучительство?

«Наши товарищи приговорены к ужасающей, мучительной, каждодневной казни.»

Эта казнь началась сразу вслед за вынесением приговора.

Осужденные переведены в ужасные «секретки» внутренней тюрьмы при Чека. Строжайшим образом изолированные от внешнего мира, они похоронены заживо. Ни свиданий с родными, ни писем, ни газет, ни передач, ни книг, ни письменных принадлежностей. Близкие не знают, что с ними.

Ходят слухи об объявленной осужденными голодовке. Ходят слухи о новом изобретении большевистских палачей: будто осужденным умышленно не сообщено о приостановке исполнения смертного приговора, будто тюремщики держат их в ежечасном ожидании казни.

Эта бесчеловечная игра усугубляется прямым издевательством советских властей над родными и близкими осужденных. Так, сразу после суда, еще до объявления приговора в окончательной форме, были арестованы и в неизвестном направлении отправлены из Москвы жены подсудимых Лихача, Герштейна, Либерова и других.

Вот *этот* приговор, эти мероприятия восхваляет Исполнительный Комитет Коминтерна в своем воззвании, обращенном к рабочим всех стран, В *этом* приговоре он видит доказательство того, что «революционное рабочее правительство не знает политики мести и руководится исключительно соображениями революционной целесообразности».

Если имеются в Коминтерне отдельные порядочные, искренние люди, лишь по ошибке попавшие сюда, привлеченные не звоном московского золота, а блуждающими огнями демагогии, которые они приняли за маяк революции; если имеются здесь, в толпе {86} угодливой московской челяди, люди, в душах которых горит огонь революционного идеализма, люди, которым дороги лучшие стремления пролетариата и ненавистно варварство старого мира; если еще не настолько одурачены они большевиками, чтобы утратить навсегда способность соображать и судить о том, что они делают — то они сгорят от стыда, когда поймут, какую невыразимую низость совершили они, приложив свою руку к этой бумажке, подписав ее в то самое время, когда двенадцать смертников с гордо поднятыми головами возвращались в тюрьму, а во след им смотрели затуманенные слезами глаза их близких, — их жен, матерей, —

уже при царизме издевавших пытку ожидания казни любимых людей.

9. Московский процесс и Европа.

Уже при первом сообщении о подготовке суда над социалистами-революционерами мировая совесть почувствовала, что в Москве готовится не суд, а кровавая расправа.

Это впечатление усиливалось по мере того, как приближался день суда и все громче становились злобные завывания большевистской и оплачиваемой большевиками печати.

И когда взвился занавес и на подмостках московского трибунала показались с одной стороны узники-подсудимые, а с другой стороны их судьи и палачи, сдержанное до этой поры возмущение вырвалось наружу, и по Европе прокатилась волна единодушного протеста.

Затем — клятвопреступнический отказ от берлинского соглашения, уход иностранных защитников, «манифестация» 20-го июня, уход русских защитников, длинный ряд издевательств над всеми принципами судебной справедливости.

И, наконец, приговор и кампания политического шантажа, поднятая Коминтерном вокруг двенадцати смертников.

Совесть культурного мира и, в частности, совесть пролетариата не могла примириться с подобным надругательством, — как 20 лет тому назад не могла она примириться с осуждением Дрейфуса во Франции, {87} как 10 лет тому назад протестовала она против суда над Бейлисом в царской России.

Оба эти дела приходят на память, когда думаешь о московском процессе. Но между этими, уже вошедшими в историю делами, и московским судом остается огромная разница.

Дело Дрейфуса было соткано из лжи. Но как низко ни стоял суд, отправивший заведомо невинного человека на Чортов Остров, рядом с московским трибуналом он показался бы все же *судом*.

Дело Бейлиса по своей природе ближе к московскому процессу. Тогда — это было незадолго до войны, в разгар беспросветной реакции в России — русское правительство прилагало все усилия к тому, чтобы натравить темный народ на евреев. С этой целью, при помощи лжесвидетелей, был инсценирован процесс, который должен был доказать, что евреи для своих обрядов употребляют христианскую кровь. За основу процесса было принято убийство под Киевом мальчика Ющинского: на суде было установлено, что он был убит шайкой воров с некоей Верой Чеберяк во главе; но эта шайка купила себе прощение и милость правительства тем, что свалила убийство на евреев. Вера Чеберяк была, таким образом, в деле Бейлиса Коноплевой. Был в этом деле и свой Семенов. Эту роль играл ренегат-ксендз Пранайтис, взявшийся доказать по еврейским книгам, что евреи ловят христианских младенцев, убивают их и употребляют их кровь.

Судьи превосходно знали, что представляют собой Чеберяк и Пранайтис, но делали вид, будто верят им. Правые газеты прославляли бескорыстие и правдивость этих свидетелей.

Одновременно шла инсценировка народного гнева.

Отделы Союза Русского Народа (игравшие в России времен Николая II роль нынешних комьячеек) выносили резолюции с

требованием беспощадной кары обвиняемым. Устраивались уличные демонстрации под лозунгом истребления убийц христианских младенцев. Раздавались угрозы самосудом и еврейскими погромами, в случае, если судьи проявят «преступную мягкость».

Правительство, поддерживавшее всю эту кампанию и втайне руководившее ею, делало вид, будто {88} прислушивается к голосу общественного мнения. В то же время оно закрывало газеты, писавшие правду об этом процессе.

В конце концов, суд вынес приговор, заявлявший, что убийство мальчика Ющинского с ритуальной целью *доказано*. Но в царской России, где были уже свои Коноплевы и Семеновы, не нашлось судей, равных по низости Пятакову, Бухарину или Крыленко: Бейлис, как и другие обвиняемые, был оправдан.

Как видит читатель, московский Верховный Трибунал во многом просто *повторили* дело Бейлиса, лишь расширив его рамки, заменив обвинение евреев в употреблении христианской крови обвинением социалистов в грабежах, убийствах и шпионаже, да еще приделав к процессу трагическую развязку в вид известного приговора.

Что же удивительного в том, что общественное мнение, в свое время возмущавшееся делом Бейлиса, с двойной энергией восстало против московского суда над социалистами- революционерами ?

Можно было бы наполнить десятки и сотни страниц резолюциями, телеграммами, всевозможными выражениями протеста против этого суда, гнусность которого была разоблачена перед Европой заграничными делегациями партии С. - Р. и Р. С. Д. Р. П. и вернувшимися из Москвы представителями Интернационала.

Во главе движения шли *социалистические* партии. *Второй Интернационал* и *Венское Объединение* в числе первых бросили миру призывный клич — энергичным протестом вырвать жертвы из рук московских палачей. К их голосу присоединились: французские социалисты (S. F. I. O и P. S. F), Германская социал-демократическая партия, германские независимые социалисты, Британская Рабочая Партия (L. P.), Английская независимая социалистическая партия (I. L. P.), Британская социал-демократическая федерация, Бельгийская социалистическая рабочая партия, социалистическая и социал-демократическая партии Чехо-Словакии, социалистическая партия Италии, социал-демократические партии Швеции и Голландии, социалистические партии Болгарии, Польши, Латвии, Литвы, Белоруссии, Украины, Бунд и партия социалистов-сионистов, объединенные социалистические партии Индии.

{89} Восстали против московской комедии суда также и *синдикальные* организации пролетариата всего мира с *Амстердамским Интернационалом* во главе. Протестовали: Всеобщая Конфедерация Труда Франции (C. G. T.), конгресс профессиональных союзов в Германии, Всеобщее Германское объединение профессиональных союзов, Национальный Комитет бельгийских рабочих синдикатов, Генеральная Конфедерация Труда Италии. Протестовали и в отдельности крупнейшие рабочие синдикаты Европы, и рабочие митинги, собиравшиеся во всех концах мира.

Особенно широко разлилось движение во Франции. В этой стране, где большая часть рабочего класса до сих пор хранит заветы Великой

Революции, пролетариат боролся за жизнь и свободу русских социалистов-революционеров с тем же чувством, с каким 20 лет тому назад, под руководством Жореса, боролся он за торжество правды в деле Дрейфуса.

Вот опубликованный в № 1023 «Голоса России» список французских рабочих организации, которые выступили с протестами против московского суда за первые три недели процесса:

1) Федерации синдикатов. Федерация кожевников, Федерация транспортных рабочих, Федерация шляпочников, Фед. рабочих химической промышленности, Фед. синдикатов банковских служащих, Фед. портовых и доковых рабочих, Фед. строительных рабочих, Федерация рабочих, работающих под землей, Фед. моряков, Фед. санитаров, Фед. рабочих, занятых в государственном флоте, Фед. текстильщиков (80.000 чел. синдицированных), Фед. рабочих, изготавливающих одежду, Фед. рабочих, занятых на общественных службах, Федерация земледельцев, Фед. парикмахеров, Фед. гражданского персонала военного министерства.

2) Департаментские союзы и Биржи труда. Союз металлургических рабочих Сены, Союз федеральных синдикатов Сены, Союз синдикалистов Иль и Вилэн, Союз Бирж труда Роны, Союз синдикатов Дромы, Союз синдикатов в Эпернэй, Союз синдикатов на Севере, Союз синдикатов Коррезы, Северный Союз, Союз синдикатов Сены и Уазы, Союз синдикатов Об и Ионн, Союз синдикатов Жиронды, Союз синдикатов Финистер, Союз синдикатов Соммы, Союз {90} синдикатов Бельфора, Союз синдикатов Кальвадоса, Союз бирж труда в Рубэ, Туркоин и Ланнуа.

3) Рабочие синдикаты. Синдикальная палата служащих Сенской области, Синдикат рабочих химической промышленности, Синдикат горно-рабочих Севера, Синдикат служащих парижских колониальных магазинов, Синдикат горнорабочих Гард и Арденн, Синдикат шляпочников в Сефонд, Главный синдикат служащих почты и телеграфа, Синдикат горнорабочих в Па-де Калэ, Синдикат служащих госпиталей и больниц, Синдикат рабочих газовой промышленности в Либурне, Синдикат работающих под землей во Флэ, Синдикат работающих по изготовлению одежды в Сенском департаменте, Синдикат портных и портных Сены, Синд. железнодорожников линии Париж - Север, Синдикат горнорабочих бассейна Анзен, Синдикат металлургов в Коментри, Синдикат железнодорожников линии Париж — Орлеан, Синдикат кровельщиков в Трелаз, Синдикат металлургов Лиля, Главный синдикат муниципальных служащих в Виллербан.

4) Политические организации. Социалистическая группа в Пантэн, Секция в Авэнь, 14-ая секция Сенского департамента, 5-ая секция Сенского департамента, Молодежь Юры, Федерация Нижней Сены, Социалистическая федерация Юры, Социалистическая федерация в Бувэ, 20-ая секция Сенского департамента, 18-ая секция Сенского департамента, Социалистическая федерация Роны, Социалистическая федерация Верхней Саоны.

Пусть Троцкий утешает своих приближенных уверениями, что это — западноевропейская буржуазия заступает за социалистов-революционеров, как за своих союзников в борьбе против советской власти! Единодушный крик негодования, рвущийся из груди миллионов

рабочих, нельзя заглушить подобной мелочной и неумной ложью.

К протестам пролетариата против московского процесса присоединили свой голос также лучшие представители науки, литературы, искусства всего мира. Под обращенным к московскому правительству призывом «отказаться во имя человечности и всеобщего примирения от того, что будет воспринято всем цивилизованным человечеством, как акт мести» подписались:

А. Олар, профессор Сорбонны; Поль Пенлевэ, член Института; {91} А. Мельэ, профессор Коллеж де Франс, корреспондент Петербургской Академии Наук; Габриэль Сеайль, профессор Сорбонны; Эмиль Борель из Академии Наук; Р. Шнейдер, профессор Сорбонны; Аллеман, бывший депутат Сены; Ксавье Леон; Анри Озер, профессор Сорбонны; Шарль Жид; Эмель Терквям, инженер; Ж. Адамар, член Института; Анри Леви-Брюль, профессор права в Лилле; П. Альфандери, профессор Высшей школы; Жанна П. Альфандери; Л. Леви-Брюль, проф. Сорбонны; Доктор Марсель Леви-Брюль; Л. Брунвиг, профессор Сорбонны; Ж. Бруншвиг; Виктор Баш, профессор Сорбонны; Ш. Сеньобос, профессор Сорбонны и многие другие.

Английский писатель Г. Уэллс также подписал этот протест.

В Германии с протестами выступили: Проф. Эйнштейн; Г. фон Герлах; Гарри граф Кесслер; Эрнст Федер; д-р Фортман, главный редактор «Парламентскорреспондент» центра; д-р Рудольф Гильфердинг, член рейхстага; д-р Пауль Натан; проф. Гуго Прейс, бывший министр, член Ландтага; Фридрих Штампфер, гл. редактор «Форвертса»; Карл Феттер, редактор «Берлинер Фольксцейтунг»; д-р Б. Гутман, редактор «Франкфуртер Цейтунг»; Габриеле Рейтер, Бернгард Келлерман, Феликс Либерман, проф. Алоиз Риль, д-р Рудольф Брейтшейд, Г. Зудерман, Г. Штребель, И. Сассенбах, и др.

Но наиболее красноречивым показателем того, как глубоко взволновал московский процесс совесть всего человечества, является публичное выступление против него целого ряда общественных деятелей, которых Европа знает, как пламенных поклонников и защитников советской власти.

На первом месте я хочу поставить Максима Горького, который нашел на этот раз слова, достойные его большого таланта и его большого сердца: он первый из защитников советской власти крикнул большевикам, что своими действиями они провоцируют *моральную блокаду* России социалистами всего мира.

К протесту Горького присоединились во Франции Анатоль Франс, Анри Барбюс и Ромэн Роллан, — три ярких имени, которыми французский коммунизм старался все эти годы прикрыть свое ничтожество и идейное {92} бессилие. Протестовала, вместе со всем социалистическим пролетариатом, и большевистствующая синдикальная организация Франции (С.Г.Т.У).

В Италии выступил против московского преступления старый анархист Малатеста. Громко прозвучал здесь и голос Туринского конгресса рабочих профессиональных союзов, конгресса, где, казалось бы, было обеспечено преобладание друзьям московских диктаторов.

В Англии решительно отмежевались от палачей такие проповедники большевизма, как Тернер и редактор «Дейли Геральд»

Ленсберри.

Но нет возможности перечислить всех ... Волна протестов растет и ширится, каждый день приносит большевистской власти новые доказательства того, что даже самодержавцам *не все дозволено*.

Политическое значение этой волны протестов далеко не исчерпывается непосредственным влиянием ее на решения и действия московского правительства. Значение ее неизмеримо глубже и шире, — в ходе ее пролетариат Европы освобождается от остатков иллюзий относительно русского большевизма, научается понимать его истинную сущность.

Так, полтора года тому назад, предательское нападение большевистских армий на демократическую Грузию и порабощение этой маленькой свободолюбивой страны «красными» штыками открыло европейским рабочим глаза на внешнюю политику Коминтерна, вскрыло империалистические вождения царизма, лежащие в основе интриг кремлевских комиссаров с реакционными силами Востока. Этим была убита легенда о миротворческой международной миссии большевизма, о роли Москвы, как защитницы угнетенных народностей. Осталась другая легенда, — легенда о том, что свирепствующий в советской России террор является самообороной рабоче-крестьянской власти против происков контрреволюционеров. И вот теперь московский процесс показал Европе, против кого в действительности направлено оружие большевистского террора.

Завоевание Грузии разоблачило *империалистическую внешнюю политику* большевизма, — суд над социалистами-революционерами вскрыл гнойник его *террористической внутренней политики*.

{94} Недаром оба вопроса были поставлены рядом на берлинской конференции трех интернационалов, недаром II Интернационал ввел оба вопроса в свой ультиматум, предъявленный Коминтерну ...

Двенадцать смертников, отдавшие всю свою жизнь освобождению трудящихся масс России и международному социализму, оставались на скамье подсудимых верны своему двойному призванию; разоблачая диктаторов России, они бились за освобождение русских крестьян и рабочих — от цепей рабства, за освобождение рабочих всего мира — от последних иллюзий. Бились с беззаветной храбростью, не думая о спасении своей жизни.

Теперь за их жизнь, за их головы идет борьба: за них — совесть человечества, общественное мнение мирового пролетариата, против них — Чека.

Кто победит?

Нужно ли говорить о неисчислимых последствиях того или другого исхода этого спора? Победа Чека и примирение с нею совести человечества не только означали бы смерть двенадцати стойких борцов за социализм, не только явились бы сигналом к новому небывалому разгулу террора в России и в завоеванных большевиками странах, но привели бы к новому усилению волны одичания во всем мире. Победа человеческой совести в этом вопросе, напротив, явилась бы, быть может, прологом к ее торжеству на более широком мировом фронте.

Моральная блокада тюремщиков и палачей социализма — вот оружие всемирного пролетариата в разгоревшейся борьбе.

Пользуясь этим оружием, идя твердо и последовательно по пути *социалистической моральной интервенции*, всемирный пролетариат добьется того, что намыленная веревка спадет с шеи двенадцати смертников, и будет положен конец красному террору в России.

Вл. Войтинский.